И. Ходоровский

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924

И. Ходоровский

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924



Главлит № 27.535. Гиз № 8409. Тираж 10.000 экз

Типография „Красный Пролетарий“, Пименовская ул., д. 1/16

СЕДЬМАЯ ГОДОВЩИНА

(1917—1924)

1. Подготовка Октября.

(1905—1917 г).

В нашей отсталой стране государственную власть захватил рабочий класс. В то же время в других, гораздо более развитых в хозяйственном отношении странах, с более многочисленным и более культурным рабочим классом, власть остается до сих пор в руках капиталистов. Для многих это — загадка. Но эту загадку легко разгадать, если обернуться несколько назад и посмотреть, как наш пролетариат шел к Октябрю. Октябрьская победа была подготовлена не только империалистической войной и политикой буржуазии в течение февраля—октября 1917 г., но и всей предшествовавшей революционной борьбой российского пролетариата и прежде всего революцией 1905 г.

Итак, обернемся к прошлому. На фабриках и заводах царили самые дикие порядки: длинный, до 12 час., рабочий день, нищенская заработная плата, штрафы, обыски, безжалостная эксплоатация женского и детского труда, унижение человеческого достоинства рабочих, отсутствие каких бы то ни было законов по охране труда, запрещение каких бы то ни было рабочих организаций. В деревне безраздельно властвовал помещик; в его руках была лучшая земля, на него за дешовую плату, а то и без всякой платы, работал крестьянин, разоренный царскими налогами и царской водкой; помещик мог крестьянина и в тюрьму посадить, и в Сибирь сослать, — к его услугам всегда были и земский начальник, и пристав, эти представители царя в деревне. Рабский строй на фабрике и в деревне опирался на силу царского прави-

тельства, которое жестоко подавляло всякую попытку рабочих масс и крестьянства улучшить свою жизнь. Страной правили царь, его министры, губернаторы, жандармы и полицейские в тесном союзе с помещиками и крупными капиталистами. Лучшие представители рабочего класса (которые тогда назывались социал-демократами), и особенно В. И. Ленин, учили рабочих и крестьян, что нельзя отделять борьбу за лучшие условия работы на фабрике или борьбу против помещичьей кабалы от борьбы против всего царского строя. Только свержение царя и его правительства,—говорили социал-демократы,—расчистят дорогу для борьбы с капиталистами и помещиками,—одно с другим тесно связано. В таком духе воспитывался российский пролетариат еще с конца 90-х годов. И уже в начале 900-х годов, в 1902 и 1903 гг., в разных городах тогдашней России—в Баку, в Ростове, в Тифлисе, Николаеве, Екатеринославе, Одессе и Елисаветграде—рабочие массы бастовали и выступали на улицу с требованиями не только улучшения своего положения на фабриках и заводах, но и свержения царского правительства. Но немало еще было в те годы темного и несознательного среди рабочих, и особенно среди работниц. Достаточно вспомнить, что 9-го января 1905 г. стотысячные толпы рабочих Петербурга под руководством попа Гапона с хоругвями и крестами шли к царю Николаю Романову просить защиты от фабрикантов и полиции. Царь, как и следовало ожидать, встретил рабочих пулеметами и винтовками. Сотни убитых и раненых рабочих остались на улицах Петербурга. Это событие раскрыло глаза на сущность царской власти тем рабочим и работницам, которые до тех пор еще верили, что царь справедлив, но его слуги скрывают от него бедствия народа. В эти дни весь рабочий класс понял, что есть один путь борьбы за лучшую жизнь—это вооруженным восстанием смести царский строй. 9-е января положило начало первой русской революции.

Уже с апреля—мая 1905 г. в разных местах царской России (тогда в состав царской России входили Польша, Литва, Латвия, Эстония и др.)—в Белостоке, Лодзи, в Николаеве и в ряде других городов—выступления рабочих пере-

ходят в вооруженные столкновения с полицией, жандармами и войсками. Кое-где в движение втягивается армия, правда, в слабой степени; но зато активно выступает флот. В июне 1905 г. на одном из самых больших броненосцев черноморского флота «Потемкине» вспыхивает восстание. Броненосец идет к Одессе и братается с одесским пролетариатом. Высшей своей точки революционное движение достигает в сентябре—октябре 1905 г. Начавшееся в сентябре в Москве забастовкой печатников, движение это в октябре выливается во всеобщую политическую забастовку во всей стране. Впервые в истории царского строя останавливаются нервы страны—железные дороги, почта и телеграф; бастуют все без исключения фабрики, заводы, рудники, служащие торговых промышленных предприятий, банков, контор; бастует все чиновничество, останавливают свою работу даже царские суды, потому что адвокаты отказываются принимать участие в судебных делах. В вышедших теперь воспоминаниях тогдашнего царского министра Витте подробно и очень любопытно изображается картина растерянности царского правительства в эти октябрьские (1905 г.) дни; настроения при царском дворе менялись положительно каждую минуту; то там приходили к решению во что бы то ни стало раздавить революционное движение, не идя ни на какие уступки; то тут же пугались этого решения: а вдруг армия тоже пойдет против царского правительства? Одни царедворцы предлагали итти на уступки, другие предостерегали, что всякая уступка означает начало конца царизма. А тем временем на пристани в Петергофе держался под парами пароход, готовый в любую минуту отвезти царскую семью в Англию, если бы ей надо было бежать. Под натиском революции царское правительство вынуждено было пойти на уступки. 17-го октября 1905 г. появился царский манифест, в котором царь обещал предоставить народу свободу собраний, слова, совести и печати и призвать «выборных от населения людей» к участию в выработке законов через так-называемую государственную думу.

Надо сказать, что до манифеста 17-го октября против царского строя по разным причинам были настроены почти

все слои населения; конечно, разного требовали каждый класс или каждая группа населения и по-разному за эти требования боролись. Рабочий класс, руководимый коммунистической партией (тогда коммунисты назывались социал-демократами-большевиками), и в частности Владимиром Ильичем Лениным, боролся за свержение царя и за захват власти рабочим классом и крестьянством. Тогда говорили, что рабочий класс борется за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Ближайшие задачи этой власти были: передача всех помещичьих, царских, министерских, монастырских и церковных земель (а их было огромное количество) крестьянству без всякого вознаграждения бывших владельцев и др.; установление 8-часового рабочего дня на фабриках, заводах и в мастерских; введение ряда законов по охране труда, как-то: выборные инспектора труда, недопущение детского труда и воспрещение женского труда в производствах, вредных для здоровья женщин; еженедельный 42-часовой отдых; страхование рабочих за счет капиталистов на случай болезней, инвалидности, безработицы и т. п.; уничтожение царской армии и вооружение рабочих и крестьян (народная милиция); уничтожение всего царского чиновничества; отделение церкви от государства, и т. п. Все это необходимо было для того, чтобы закрепить власть рабочих и крестьян, подавить сопротивление помещиков, царских чиновников и капиталистов и создать такой порядок, при котором рабочий класс мог бы собрать все свои силы, сорганизоваться, сплотиться для дальнейшей борьбы за полное уничтожение капиталистического строя, за социализм, т.-е. за такой порядок, при котором машины, фабрики, заводы, железные дороги, рудники,—одним словом, все то, посредством чего и из чего вырабатываются продукты, необходимые для жизни и деятельности людей, будет принадлежать трудящимся. Таким образом, уже в 1905 г. рабочие массы нашей страны шли за большевиками и действовали по-большевистски. Урок 1905 г. не прошел даром для российского пролетариата. В 1917 году он полностью использовал этот урок для нового натиска на буржуазию,—на этот раз натиска уже победоносного.

Другие классы и группы добивались в 1905 г. другого: партия меньшевиков[1]) боялась рабоче-крестьянской революции; ее пугал и захват помещичьей земли без вознаграждения помещиков, и борьба против капиталистов за решительное улучшение условий труда на фабриках и заводах, и, главное, стремление рабочего класса захватить вместе с крестьянством власть, не считаясь с классовыми интересами буржуазии. Меньшевики считали, что революция 1905 г. общенародная, или, как они тогда любили выражаться, общенациональная, т.-е. такая революция, в которой принимают участие все классы, в том числе и буржуазия, и даже часть помещичьего класса, и все эти классы заинтересованы в свержении царского правительства. Поэтому надо итти таким путем, чтобы не раздражать эти классы, а быть с ними заодно: стараться обойтись без вооруженного восстания, бороться мирными способами (например, выносить резолюции на совместных с буржуазией собраниях в ресторанах за бокалами шампанского, принимать резолюции против царского правительства на собраниях городских дум и земств[2]), использовать для этой же цели выборы в думы и земства и т. п.) и не ставить задачу захвата власти рабочим классом и крестьянством. Одним словом, итти вперед «осторожно», «не увлекаясь», «приспосабливаясь».

Буржуазия (фабриканты, заводчики) и буржуазная интеллигенция (профессора, адвокаты, инженеры,—словом, группы населения, тесно связанные с интересами буржуазии) хотели только одного,—чтобы царское правительство вело себя «культурнее», чтобы полиция и жандармы вели себя так, как они ведут себя, ну, хотя бы в таких странах, как Германия или Франция, т.-е., чтобы рабочих и крестьян били и арестовывали, но чуточку деликатнее; чтобы немного развивалось дело народного просвещения, потому что фабрикантам и заводчикам нужны грамотные рабочие и хорошие техники, от таких рабочих и техников можно извлечь больше прибыли;

---

[1]) Эта партия тоже называла себя рабочей и в течение нескольких лет даже входила в одну партию с большевиками.

[2]) Прежде так назывались выборные помещиками и капиталистами органы управления на местах (в городах—городские думы, в губерниях—земства).

но, главное, чего хотела буржуазия, это чтобы в какой-нибудь форме она была привлечена к выработке законов, к контролю за управлением страной и к хозяйничанью, ибо хозяйничало царское правительство из рук вон плохо. Если говорить правду, то у буржуазии не было особых причин недовольства царским правительством,—ведь, это правительство прекрасно защищало интересы капиталистов. Но защищало не всегда умело и толково; а главное—своей политикой царское правительство так раздражало и революционизировало широчайшие массы рабочих и крестьян, что революция делалась неизбежной. А этой революции буржуазия боялась больше всего на свете: лучше немного изменить политику и перестроить власть, чем допускать революцию. этих небольших изменений и перестроек и добивалась буржуазия. Но как она могла этого добиться? Покуда царское правительство не шло ни на какие уступки, буржуазия делала вид, что она со всем народом, с рабочими и крестьянами. И у многих действительно создавалось впечатление, что буржуазия—за революцию. Но это было только до манифеста 17-го октября. В этот день буржуазия получила значительную часть того, что ей было нужно: если чего нехватало, можно было добиваться в дальнейшем, путем переговоров и взаимных уступочек с царем и его правительством. А покачто надо ввести жизнь в «нормальное русло», надо установить «порядок», надо покончить с «анархией». Манифест 17-го октября получили,—и достаточно.

Рабочий класс на манифесте 17-го октября не успокоился. Он продолжал свое наступление на царский строй. Наивысшего напряжения борьба достигла в декабре 1905 г.: в разных городах, в разных концах России (Москва, Прибалтийский край, Забайкалье и Сибирь) эта борьба вылилась в вооруженное восстание. Но силы были неравны. В своей борьбе с царизмом рабочий класс мог рассчитывать только на одного союзника—на крестьянство, потому что только через революцию и через союз с рабочим классом крестьянство могло отобрать землю у помещиков. Но роль крестьянства в революции 1905 г. была сравнительно небольшой: в разных местах крестьяне громили помещичьи усадьбы, и обычно дальше этого разгрома дело не шло. Крестьянство оказа-

лось к борьбе неподготовленным: оно не было организовано, и оно недостаточно еще сознавало, что, кроме разгрома помещичьего имения, надо еще разгромить весь царский строй. И от этой неорганизованности и несознательности получилось то, что в октябрьско-декабрьских боях крестьянство оказало очень слабую поддержку пролетариату. Буржуазия после 17-го октября бросилась в объятия царизма, и от ее былых «увлечений» не осталось и следа. Армия оказалась настолько еще темной, что, за отдельными исключениями, действовала против рабочих. Полиция, жандармерия, суд, весь государственный аппарат самодержавия оказался еще устойчивым. Рабочий класс имел одного верного союзника в борьбе с царизмом—это финансовое банкротство самодержавного правительства. Но на помощь самодержавию пришла так-называемая «свободолюбивая, прекрасная республиканская Франция». Она дала царскому правительству взаймы (правда, за ростовщический процент) около 1 миллиарда руб. золотом. Это спасло и укрепило царизм. В такой неравной борьбе рабочий класс был раздавлен. Революция потерпела поражение. Руль круто повернулся назад, к старому или, как тогда говорилось, восторжествовала реакция, т.-е. самое гнусное, хищническое и дикое, что было у царского правительства, у помещиков и у буржуазии. В разные концы России были посланы военные карательные отряды, которые расстреливали массами рабочих, секли крестьян, уничтожали огнем деревни. Страна была разделена на генерал-губернаторства, и каждая область была отдана в полное распоряжение царскому генералу. Были введены военные и военно-полевые [1]) суды, которые целыми пачками выносили смертные приговоры революционерам, этим лучшим представителям рабочего класса и крестьянства. Только за принадлежность к революционной организации царские суды посылали борцов за рабочее дело на долголетнюю каторгу. Ссылка в отдаленнейшие места Сибири и долголетнее оди-

---

[1]) По тогдашним законам, военно-полевые суды вводились на войне, на фронте для суда над солдатами и офицерами за тяжкие так - называемые преступления военного характера: за бегство с фронта, за измену, за шпионаж и т. п. Такие же суды были введены для революционеров.

ночное тюремное заключение считалось тогда самым слабым наказанием за борьбу против царя, помещиков и буржуазии. Рабочие организации, не только партийные (о них и говорить нечего), но и профессиональные союзы, клубы, рабочая печать, общества самообразования, кооперативы, рабочие библиотеки и рабочие образовательные курсы—беспощадно разгромлялись и закрывались. Интеллигенция, которая прежде довольно активно работала в пролетарских революционных организациях, стала из этих организаций бежать, нехватило уже выдержки и стойкости, чтобы противостоять напору реакции. Такова уж ее натура: двойственная, колеблющаяся, шатающаяся. Она шла с рабочим классом, покуда рабочий класс наступал, побеждал и завоевывал свободу для всего народа, в том числе, конечно, и для интеллигенции. Она в испуге и ужасе бежала от рабочего класса, когда увидела, что самодержавие устояло, а революция раздавлена. В эти годы наблюдается массовое бегство интеллигенции и из наших партийных организаций. А меньшевики, отражавшие этот испуг и шатания интеллигенции, дошли до того, что стали утверждать, что революция проиграна потому, что партия рабочего класса (т.-е. большевики) оказалась слишком решительной и революционной; что рабочий класс к самостоятельной борьбе с царизмом неспособен, и что вообще на революции в нашей стране надо поставить крест. Партия рабочего класса,—говорили меньшевики,—должна отказаться от революционной борьбы с царем и капиталистами; она должна распустить свои подпольные организации и всю свою деятельность приспособить к романовским законам: организовывать профсоюзы, клубы, библиотеки и кооперативы, поскольку это возможно в условиях царского строя. Ни о чем большем думать не следует. Вот какая была тогда пора. Про эту пору можно сказать словами одного известного писателя: бывали хуже времена, но не было подлей. Владимир Ильич Ленин со всей энергией и силой, на какую только он один был способен, обрушился на меньшевиков за их предательство интересов рабочего класса, за их стремление ликвидировать, уничтожить нелегальные (подпольные) организации партии. В. И. Ленин и вся большевистская партия бросили клич: в защиту партии, в защиту подпольных организаций,

ибо они понимали, что только в подполье наша партия может руководить всем движением пролетариата—и профсоюзами, и кооперативами, и клубами; только через нелегальные организации наша партия может связывать повседневную борьбу рабочих масс с их борьбой за большие задачи — свержение самодержавного строя и установление социализма. В. И. Ленин понимал, что нечего надеяться на интеллигенцию, хотя бы и ту, которая прежде состояла в партии. И он взывает к рабочим, он ищет рабочих-передовиков, чтобы, оперевшись на них, начать вновь строить партийные организации, вновь собирать распыленные силы пролетариата для борьбы, для новой революции. Для тов. Ленина было ясно, что эта революция не может разразиться через день или даже через год. Он учил всех нас выдержке; он говорил, что революция чудом не делается, что для революции надо работать, и что на ближайшие годы эта работа будет кропотливой, черной, будничной, агитационно-пропагандистской и организационной, что нам вновь надо начать будить и просвещать рабочих, как мы это делали до революции 1905 г. Эту работу партия должна вести, используя всякие возможности, какие для этого представятся: и через нелегальные партийные ячейки на фабриках и заводах, и через профсоюзы и клубы, и через государственную думу, сколь бы поганой и реакционной она ни была. Революция,—говорил тов. Ленин,—неизбежна, потому что не устранены причины, вызвавшие революцию 1905 года: земля по-прежнему в руках у помещиков, по-прежнему на заводах и фабриках господствуют дикие порядки и бессовестная эксплоатация; по-прежнему всю страну угнетает царское правительство. В тяжелых, неслыханно тяжелых условиях велась работа по собиранию сил. Не велики были вначале успехи и результаты, но зато наша партия могла сказать, что никто, кроме нее, не боролся тогда по-настоящему за интересы рабочего класса; только наша партия, и никакая другая, связала свою судьбу с судьбами рабочего класса России. Пять лет (1907—1911 гг.) разгул реакции не прекращался. Но уже с начала 1912 г. начало замечаться пробуждение рабочего класса. Толчком послужил расстрел 17-го апреля 1912 г. нескольких сот рабочих на Ленских золотых

приисках в далекой Сибири за то, что они захотели некоторых улучшений своего быта. Ответом на это преступление царского правительства и капиталистов явились забастовки протеста, прокатившиеся положительно по всей стране. Забастовки сопровождались митингами, а кой-где и демонстрациями. Всем ясно стало, что вновь пробудилась могучая сила российского пролетариата, и что если не сегодня, так завтра она предъявит суровый счет своим классовым врагам—царскому правительству и буржуазии. С этого момента движение и подъем революции нарастают с каждым днем, а вместе с этим подъемом растет и крепнет влияние нашей большевистской партии на рабочий класс; в эти годы и вплоть до самой империалистической войны наша партия пользуется неограниченным доверием рабочего класса: она занимает все позиции в рабочем движении—и в профсоюзах, и в страховых кассах, и в рабочих клубах, и в рабочей печати. К 1914 г. наш пролетариат, можно смело сказать, вновь вплотную подошел к революции: празднование 1-го мая было ознаменовано такой грандиозной забастовкой, демонстрациями и митингами, каких мы не видели с 1905 года. В июне и в начале июля в Баку и в Петербурге рабочие вели самую настоящую войну с царскими войсками, полицией и жандармами; улицы этих городов были покрыты баррикадами; чувствовалось, что мы подошли к решающим битвам. Как и в 1905 г., большевики доказывали рабочим, что они должны и могут рассчитывать только на свои силы и что при известных условиях их может поддержать только крестьянство. Буржуазия же будет вместе с помещиками бороться против революции. Поэтому революция должна одновременно действовать и против царя, и против помещиков, и против буржуазии. Своей главной задачей рабочий класс должен иметь захват власти. Говоря просто, уже в июне—июле 1914 г. рабочий класс шел к Октябрю. И как-раз в этот момент, как бы по сговору между собой, цари, помещики, банкиры, фабриканты и купцы всех стран вызвали международную империалистскую, грабительскую войну-бойню, подобную которой не знало человечество. Наша страна (как и все страны) была взята в военные клещи, ломившаяся в двери революция была раздавлена, а совершавший эту ре-

волюцию рабочий класс брошен был на фронт, на физическое истребление.

Война возникла из-за того, что крупнейшие государства Европы: Германия, Англия, Франция и Россия не могли полюбовно поделить между собой мир, богатые земли Азии и Африки. Через эти страны лежали пути к источникам нефти, этого важнейшего вида топлива в настоящее время; в этих странах находятся богатейшие и мало еще использованные запасы хлопка, всякой руды, золота. Эти страны населены сотнями миллионов людей, которых каждая капиталистическая страна стремилась поработить, использовать и как дешовую рабочую силу, и как слепую, темную и послушную воинскую силу. Царское российское правительство хотело захватить у Турции Константинополь, являющийся ключом к Средиземному морю и океану, ко всему Кавказу и ко всей Азии. Но этим же Константинополем хотели владеть Англия и Германия, потому что, кто владел бы Константинополем, тот владел бы всем Черным морем, Ближним Востоком и значительной частью Азии, а на Азию, главным образом, и направлены были взоры всех империалистов всех стран. Были, конечно, у империалистов интересы и в самой Европе. Царская Россия хотела захватить у Германии и Австрии часть Польши, входившую в состав Германии и Австрии, а также Галицию и Буковину, населенные польским и украинским народами. В то же время Германия и Австрия стремились захватить у России ту часть Польши, которая была под властью русского царского правительства, а также Прибалтийский край (Латвия, Эстония, Литва). Царская Россия стремилась захватить в свои руки весь Балканский полуостров (Болгария, Сербия, Румыния, Турция). К тому же стремилась Германия. Франция хотела захватить у Германии пограничные с Францией области Эльзас и Лотарингию, где (в Лотарингии) находятся богатейшие в мире залежи руды [1]). А Германия, в свою очередь, хотела оттянуть большой кусок земли у Франции и Бельгии, чтобы твердо стать на немецком море и не бояться угроз Англии. Итак, было совершенно ясно,

[1]) Эта же область была за 40 с лишним лет до этого захвачена Германией у Франции.

что война возникла из-за дележа мира между капиталистами. Буржуазия всех стран боялась, однако, признать открыто, что война идет из-за грабежа народов. Она старалась придумать этой войне оправдание. Буржуазия каждой страны обманывала рабочих, крестьян и все население, будто она ведет войну оборонительную. Царское правительство и русская буржуазия изображали дело так, будто на Россию нападают Германия, Австрия и Турция, а Россия обороняется. Германская буржуазия обманывала германских рабочих, будто она вынуждена обороняться от напавших на нее Англии, Франции и России. Так же изображала дело Австрия. Французская буржуазия так представляла обстановку, будто Франция должна обороняться от напавшей на нее Германии, и т. д. Словом, выходило так, что все обороняются и защищаются, и нет нападающих. Англия стояла особняком: она отделена от всех других стран морями, и ей как-будто нечего было особенно опасаться нападений. Но Англия ввязалась в войну «из-за справедливости»,—так обманывала английских рабочих английская буржуазия. Она встала на защиту «обиженных» Бельгии и Франции, «подвергшихся нападению» со стороны Германии. В действительности же дело было, конечно, не в этой «справедливости», а в чем-то другом, в экономических интересах. Все воюющие страны поделились на две группы: в одну группу, в один союз вошли Англия, Франция, Россия и ряд других, менее крупных стран. В другой союз вошли Германия, Австрия, Турция и Болгария. Буржуазия и тут пыталась обмануть рабочие массы, будто «народы» вступают в боевой союз по взаимной симпатии, по взаимному тяготению, чуть ли не по родству душ. Все это было чистейшим вздором. Англия вступила в союз с Францией и Россией просто потому, что у всех этих государств самым сильным противником по своей военной силе и по своему влиянию и самым опасным конкурентом на всех международных рынках, где продаются товары, была Германия. Вот откуда пошли эти «взаимные симпатии» России и Англии [1]. Но буржуазия прибегла еще к одному,

[1]) Кстати сказать, в течение многих десятилетий царская Россия и Англия находились между собой в состоянии большой вражды из-за Персии, Индии и Ближнего Востока (Константинополь и вообще Балканский полуостров).

самому большому и самому наглому обману. Буржуазия каждой страны подло и лицемерно обманывала трудящихся, будто она воюет за освобождение угнетенных народов, за уничтожение национального гнета. Царская Россия, которая только на том и держалась, что угнетала много десятков миллионов людей нерусской национальности (украинцев, поляков, евреев, армян, татар, грузин, латышей, киргизов, калмыков, узбеков, туркмен и т. д.) и лишала эти десятки миллионов людей каких бы то ни было прав,—эта царская Россия заявила, что она воюет «за освобождение угнетенного польского народа» и за «освобождение всех вообще славян от немецкого ига». Разумеется, что германская и австрийская буржуазия внушала рабочим, что Германия и Австрия воюют против царского строя и за освобождение угнетенных национальностей в России; французская буржуазия объявляла себя воюющей «против германской реакции и германского империализма, угрожающего делу мира». То же говорила английская буржуазия. Позже, почти через 3 года, в войну ввязалась и Америка, отделенная от Европы океаном. Ей-то как-будто уже совсем никто не мог угрожать. Но Америка, оказывается, тоже вступила в войну «из-за справедливости»: она не могла больше терпеть «варварства германского империализма». Так дурачила весь мир, и, прежде всего, американских рабочих, американская буржуазия. Так говорил ее приказчик, президент Вильсон. В действительности же дело обстояло гораздо проще. Америка три года воздерживалась от войны, пока можно было поставлять оружие, провиант и обмундирование обеим воюющим сторонам и наживаться на этом. Когда же английский флот отрезал Германию от Америки, Америка решила, что нужно пойти на союз с теми, кому можно и дальше поставлять провиант и амуницию, и у кого можно выкачивать золото. Такими странами были Англия, Франция и Россия. К тому же было уже ясно, что Германия войну проиграет, скоро начнутся мирные переговоры, будет производиться передел мира, и остаться от этого в стороне Америке было невыгодно. Она и вступила в войну, когда было меньше всего риску и больше всего выгоды.

Война причинила народам неисчислимые бедствия и по-

тери. Во всех государствах, участвовавших в войне, было призвано в армию 70 миллионов человек; в одной только России призвано было 18 миллионов человек,—такая большая масса людей была оторвана от труда, от хозяйства, от своих семей. Убитыми на войне все страны потеряли 10 миллионов человек, при чем одна только Россия потеряла 3 миллиона убитыми. Раненых на войне было около 19-ти миллионов человек, при чем только Россия имела около 6-ти миллионов раненых. Пленными все страны потеряли 7½ миллионов человек, одна Россия потеряла 2½ миллиона человек пленными. Всего, значит, все страны потеряли убитыми, ранеными и пленными 37 миллионов человек, при чем на долю России приходилось 11¼ миллионов человек. Но, кроме армий, большие потери понесло и мирное население,—уменьшилась рождаемость населения, увеличилась смертность, массу населения унесли болезни (тиф и др.). Всего потери мирного населения от этих причин во всех странах составляют 35½ миллионов человек, а на одну Россию приходилось 13 миллионов человек. Все это потери в людях, в живой человеческой силе.

Теперь посмотрим, какие расходы в деньгах, продуктах, в разорении населения и его хозяйства, понесли воюющие страны. На ведение войны все воюющие государства истратили около 225 миллиардов зол. рублей; одна только Россия израсходовала около 40 миллиардов зол. рублей. Чтобы ясно было, что означает эта последняя цифра, достаточно привести такую справку: расходы советского государства по государственному бюджету на все его нужды—на заработную плату рабочих и служащих, на поддержку сельского хозяйства, на помощь населению, пострадавшему от неурожая, на восстановление промышленности и транспорта (в частности на поддержку Донбасса, на элекрификацию и т. п.), на нужды народного образования, на охрану здоровья населения, на обеспечение безработных, инвалидов, стариков и т. п., на содержание суда, на весь советский государственный аппарат, на содержание Красных армии и флота,—составляют в 1924—25 гг. два с лишним миллиарда руб. Следовательно, затраченные Россией на империалистическую войну деньги составляли в 20 раз больше того, что может

теперь тратить истощенная войной Советская Республика на восстановление своих сил, на залечивание ран, нанесенных войной. Но это еще не все. Война не только потребовала огромных расходов. Она дала большое уменьшение богатств почти для всех стран. Рабочая сила была оторвана от производства. Заводы, фабрики и железные дороги были приспособлены для обслуживания только войны, они в течение нескольких лет не ремонтировались и стали приходить в упадок,—все это уменьшило богатства воюющих стран на 200 миллиардов зол. руб.; при этом в одной только России эти богатства уменьшились на 65—70 миллиардов зол. руб. Вот какие потери принесла народам империалистическая война.

Часто у рабочих возникает вопрос: как это случилось, что десятки миллионов рабочих безропотно шли на фронт, умирали и убивали других рабочих вместо того, чтобы всем вместе восстать и покончить с войной и с буржуазией? А случилось так потому, что так-называемая рабочая социал-демократическая партия и старые профессиональные союзы, или, точнее, вожди этих партий и союзов, за которыми в течение десятилетий шли рабочие массы, изменили рабочему делу. У этих социал-демократических партий была своя международная организация, так-называемый II Интернационал. Очень часто, через каждые 3—4 года, представители социал-демократических партий собирались на международные съезды, клялись в верности международному делу рабочего класса, выносили страшные резолюции против буржуазии, грозили ей в случае войны всякими ужасами, забастовкой, восстанием и революцией. А когда разразилась война, то все эти социал-демократические партии и их вожди оказались самыми откровенными защитниками империалистической войны, самыми верными и надежными приказчиками царей и капиталистов. Вожди социал-демократических партий и профсоюзов оказались так тесно связанными со всем буржуазным строем — с буржуазным парламентом, с буржуазными городскими думами, с буржуазной печатью, с буржуазным судом, а верхушечные слои пролетариата—с буржуазным хозяйством, что в решительный момент, когда надо было выступить с оружием в руках против буржуазии, со-

циал-демократы каждой страны заявили: буржуазное отечество—это наше отечество, отечество рабочих; нам дороги и наши короли, и наша полиция, и наш суд, и наши заводчики и фабриканты; погибнет наше буржуазное отечество,—погибнет и рабочий класс. А потому—все рабочие на защиту отечества! Германские социал-демократы и германские рабочие—на защиту Германской империи, французские рабочие—на защиту буржуазной Франции, и т. д. И даже в царской России, от разгрома которой рабочий класс мог только выиграть, огромное большинство меньшевиков и социалистов-революционеров (и те, и другие называли себя представителями рабочего класса) звали рабочих нашей страны на войну, «к обороне отечества». Социал-демократы каждой страны поставили своей задачей бороться «до полной победы» своей буржуазии над буржуазией другой страны. Так десятки миллионов рабочих были жестоко обмануты и проданы теми самыми социал-демократическими партиями, которые раньше как-будто готовили рабочих к борьбе, и которые в момент этой борьбы отдали рабочих на уничтожение и истребление.

Из всех рабочих партий, какие тогда имелись во всех странах, одна только российская партия большевиков осталась верна международному знамени пролетариата. В то время, когда социал-демократы каждой страны обманывали рабочих, будто их буржуазия ведет оборонительную войну, и звали рабочих защищать буржуазию своей страны, российские большевики, с тов. Лениным во главе, с самого начала определили эту войну, как грабительскую, хищническую, несущую народным массам, и особенно пролетариату, нищету, разорение, неслыханную кабалу и физическое истребление. В октябре 1914 года партия большевиков обращается к российскому пролетариату с манифестом (воззванием), в котором со всей резкостью и яркостью разоблачает этот грабительский характер войны и предательскую работу социал-демократов. Задача рабочего класса каждой страны,—говорилось в этом манифесте,—состоит не в том, чтобы защищать свою буржуазию, а в том, чтобы восстать против нее. Рабочие всех стран должны затеянную буржуазией империалистическую, грабительскую войну между народами пре-

вратить в гражданскую войну, в войну всех угнетенных и закабаленных рабочих всех стран против буржуазии всех стран. Империалистическая война,—говорилось в большевистском манифесте,—должна перейти и неизбежно перейдет в социалистическую революцию, а эта революция приведет к окончательному низвержению буржуазии, к диктатуре пролетариата, к власти рабочего класса. Задача нашей партии и всех тех сознательных рабочих в других странах, которые понимают это, готовиться к предстоящему решительному бою, организовывать силы, разъяснять рабочим массам неизбежность и необходимость социалистической революции, как единственного средства спасения пролетариата и всего человечества от вырождения и истребления. Когда разразится социалистическая революция? Никто не мог точно определить этот день, но В. И. Ленин и большевистская партия знали и доказывали другим, что эта революция должна вырасти и вырастет из войны, и мы к ней приближаемся. Буржуазия и социал-демократы всех стран смотрели на выступление большевиков, как на чудачество. В самом деле, во всех странах задушена честная рабочая печать; раздавлены революционные пролетарские организации; действительные защитники интересов рабочего класса брошены в тюрьмы; революционная деятельность рассматривается как «измена государству»; на фабриках, заводах, рудниках и железных дорогах введено военное и осадное положение, и рабочие приравнены к солдатам на фронте; десятки миллионов рабочих брошены на поля сражений,—и в такое время находятся люди, говорящие о гражданской войне, о социалистической революции, о диктатуре пролетариата. Ну, разве это не чудаки?

Партию большевиков не смущало, однако, такое умничанье врагов рабочего класса. Большевики знали, что очень скоро эти «умники» будут держать ответ перед восставшим пролетариатом за все свои преступления.

Сначала очень медленно подвигалось дело борьбы с империализмом и войной. В. И. Ленин искал в разных странах отдельных рабочих и группы рабочих, которые не поддались угару войны, на которых можно было бы опереться. Мало было таких рабочих. В своей массе рабочие безро-

потно и слепо шли за своими социал-демократическими вождями. Наиболее отзывчивой оказалась рабочая молодежь, не отравленная еще ядом соглашательства социал-демократов. Были среди социал-демократов в разных странах небольшие группы так-называемых левых социал-демократов, которые были настроены против войны, или, как выражаются в книгах и газетах, пацифистски. Им неприятны были ужасы войны; они хотели бы, чтобы жизнь текла и дальше так же «мирно», как текла до сих пор. Они надеялись, что как-нибудь война окончится, что воюющие стороны «образумятся». Они действовали на воюющих увещанием и пристыжением. И, как огня, они боялись революции, восстания. Осенью 1915 г. была сделана первая попытка сорганизовать всех настроенных против войны социалистов разных стран для того, чтобы выработать план общей борьбы против войны. Это собрание или съезд происходил в швейцарской деревушке Циммервальде и известен под названием Циммервальдской конференции. На этой конференции Владимир Ильич Ленин полностью обрисовал задачи пролетариата, он поставил вопрос о свержении буржуазии, о социалистической революции. Конференция в Циммервальде не дала больших результатов. Тут были и сторонники мирных способов борьбы за мир, и общего языка тут найти нельзя было. Тем не менее, Циммервальдская конференция имела то важное значение, что здесь перед лицом рабочего класса всех стран наша большевистская партия указала международному пролетариату путь борьбы против войны. Второй раз подобное же совещание было созвано весной 1916 г. в другой швейцарской деревушке, в Кинтале. Уже на этих конференциях Владимиру Ильичу удалось сплотить вокруг себя и вокруг российских большевиков отдельные группы революционных социалистов из Норвегии, Швеции, Швейцарии, Германии, балканских стран.

А тем временем царское правительство терпело в войне одно поражение за другим. Целые корпуса попадали в плен, целые армии подвергались разгрому. На поверку оказалось, что к войне царское правительство подготовлено слабее всех других государств. Неподготовленным оно оказалось не потому, что оно не готовилось к войне или было

настроено миролюбиво, а потому, что царская Россия с отсталой промышленностью, с слабо развитой сетью железных дорог, с плохо налаженным транспортом, с плохо вооруженной армией, не могла противостоять организованной и сильной в промышленном, техническом и военном отношениях Германии. Но это только одна сторона дела. Война обнажила все язвы царского строя: воровство и казнокрадство чиновников, генералов и министров; готовность их продать кому-угодно и за любую цену и себя, и свое милое отечество; невежество и неспособность к руководству военными действиями царских генералов, и т. п. Царский двор представлял картину такого разложения и разврата, что восстановил против себя и буржуазию, и дворянство, и даже часть царедворцев. Достаточно сказать, что проходимец и уголовный преступник Распутин решал участь министров, а часто и вопросы более важного значения.

Одновременно с тем, как разлагался царизм, постепенно собирал свои силы пролетариат. Большевики не ограничивались одними только резолюциями относительно восстания и революции. Они действовали. Уже через несколько месяцев после начала войны, в декабре 1914 г., состоялась конференция (совещание) депутатов-большевиков государственной думы, с участием ряда видных партийных работников, посвященная вопросу о войне и революции. Эта конференция наметила способы борьбы против войны, но во время своих заседаний конференция была арестована, а ее участники осуждены царским судом в ссылку на поселение. Арест депутатов-большевиков, как и ряд других арестов, не мог, однако, убить окончательно стремление сознательных рабочих к организации, к борьбе, к революции. Идеи большевиков проникли глубоко в рабочую массу и были восприняты рабочими, потому что эти идеи затрагивали самое нутро рабочего класса, его жизнь, его будущее.

В 1915—1916 гг. в разных городах России—в Иваново-Вознесенске, в Костроме, в Москве — рабочие устраивают политические забастовки, выходят на улицу с красными флагами, требуют хлеба и мира, протестуют против жестокостей царского правительства.

Положение рабочего класса и всего народа ухудшалось

с каждым днем: железные дороги пришли в полное расстройство и перестали своевременно подвозить к городам продовольствие, началось недоедание, а местами и голод; цены на продукты стали бешено возрастать, страна очутилась в руках спекулянтов и взяточников. Стали замечаться перебои в доставке продовольствия и для армии. Горючего материала для взрыва было достаточно. А тут еще поражение за поражением на фронте.

Зашевелилась и буржуазия, и даже помещики. Они хотели войны, чтобы пограбить немцев, австрийцев и турок, чтобы нажиться на общенародной беде, чтобы укрепить власть русского капитала на заграничных рынках, а тут царское правительство преподносит им одно поражение за другим. Уже потеряна была Польша и Литва, часть Латвии и Эстонии, создавалась угроза не только для Риги и Ревеля, но и для самого Петрограда. Буржуазия и помещики через свою государственную думу стали настаивать на том, чтобы царь заменил бесчестных и продажных министров министрами «честными», «любящими свое отечество» и «пользующимися общественным доверием», конечно, доверием только буржуазии и помещиков. Больше всего капиталистам и помещикам хотелось, чтобы эти министры были назначены из среды самой государственной думы. Для чего нужна была капиталистам и помещикам такая смена министров? Для того, чтобы «организовать все силы народа и довести войну до победного конца»,—так заявляла буржуазная печать, так возвещала государственная дума, об этом кричали лакеи буржуазии на всех перекрестках. Итак, капиталисты и помещики добивались смены правительства для того, чтобы лучше вести войну, чтобы усиливать свои позиции, чтобы не дать гневу рабочих и крестьян прорваться наружу. Царь не шел ни на какие уступки думе. Он производил смену министров, но только на место одного казнокрада назначал другого, вместо одной бездарности—другую, и все из среды тех же царедворцев, против которых дума была настроена. Дума хотела сделки с царем, царь на эту сделку не шел.

Рабочие же массы шли своим путем. Они шли к революции. В феврале 1917 г. началось сильное движение на петроградских заводах и фабриках. 23-го февраля стоты-

сячные толпы голодных рабочих вышли на улицу с требованием: хлеба, мира и свободы. Остановились все фабрики и заводы. Огромную роль в этом движении сыграли работницы и жены рабочих. Царское правительство двинуло против восставшего пролетариата полицию, жандармов и войска. Солдаты и даже казаки, навербованные из народа, в течение нескольких дней колебались, в отдельных местах Петрограда они подавляли восставших, но в общем действовали очень нерешительно. 26-го и 27-го февраля отдельные полки стали переходить на сторону восставшего народа. Начавшаяся в Петрограде революция перекатилась в Москву, и здесь полки один за другим стали переходить на сторону народа. 28-го февраля царский строй был ниспровергнут. Фактическим хозяином Петрограда стал Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Такое же положение создалось и во всех рабочих районах России. Предсказания Владимира Ильича Ленина о неизбежности и близости революции оправдались. Революция началась.

II. От Февраля к Октябрю.

Царские министры были арестованы. Образовалось так-называемое временное правительство. В состав временного правительства вошли виднейшие представители буржуазии и помещиков. Председателем правительства был назначен князь Львов, крупный помещик; министром финансов—известный сахарозаводчик Терещенко, о котором известно было только то, что у него несколько десятков заводов и фабрик и, как тогда говорили, 32 миллиона рублей золотом,—значит, воровать не будет, своего достаточно. Военным министром был назначен московский промышленник и купец Гучков, заклятый враг рабочих и крестьян, заявлявший во время московского восстания 1905 г., что рабочих надо беспощадно расстреливать, и заключивший для этого расстрела тесный союз с тогдашним московским генерал-губернатором, известным вешателем рабочих, царским адмиралом Дубасовым,—вот кому была вручена армия, восставшая против царя, помещиков и капиталистов. Главнокомандующим был назначен царский генерал Алексеев, ближайший друг

и помощник по войне царя Николая Романова; министерство торговли отдали крупнейшему московскому фабриканту Коновалову; министром иностранных дел сделался Милюков, один из вождей буржуазии, кричавший всюду и везде, что война должна продолжаться «до победного конца». На другие министерские должности также назначены были представители капиталистов и помещиков. Среди всех них несколько особое положение занимал сначала представитель партии так-называемых социалистов-революционеров, депутат думы Керенский. Он был назначен министром юстиции. Меньшевики и эсеры хвастали и обманывали рабочих, что Керенский послан «в качестве заложника» в лагерь буржуазии, «для контроля со стороны трудящихся над деятельностью временного правительства». Понятно, что не Керенский контролировал буржуазию во временном правительстве, а сам оказался верным приказчиком этой самой буржуазии и проводником всех ее требований и приказов.

Как же все-таки могло случиться, что у восставшего трудового народа могло оказаться в результате восстания такое противонародное правительство. Ответ на этот вопрос прост. Рабочие и солдаты только-что очнулись от оцепенения, в котором их несколько лет держала война. В первые дни им казалось, что болтуны и бездельники из государственной думы, все эти Милюковы и Керенские, являются действительными защитниками интересов народа; ведь, эти господа произносили такие страшные речи по адресу царского правительства! Меньшевики и эсеры обманывали трудящихся, будто революция «общенациональная», что она одинаково дорога и рабочим, и капиталистам. А партия большевиков, которая одна только говорила правду рабочим, не успела еще к началу революции оправиться от разгрома: все видные руководители партии и все сколько-нибудь сознательные рабочие-большевики, находились в тюрьмах, в ссылке, на каторге, либо за границей, в изгнании. И вышло, что в эти дни масса пошла за соглашателями, за меньшевиками и эсерами. И эти партии, меньшевики и эсеры, которые называли себя партиями рабочих и крестьян, сразу же предали интересы рабочего класса и крестьянства. Они внушили пролетариату, что он слаб и к захвату

власти не подготовлен, а если захватит власть, то не сумеет с ней справиться. Поэтому власть должна быть передана в руки буржуазии, а рабочий класс и армия пусть эту власть «контролируют» и «требуют ее к ответу». Правительство пусть состоит из помещиков и капиталистов, а рабочие и солдаты пусть в своих Советах Рабочих и Солдатских Депутатов выносят резолюции, произносят речи,—словом, «контролируют». И власть, которая в революционные февральские дни лежала, что-называется, у ног восставших трудящихся, эта власть была меньшевиками и эсерами, руководившими тогдашним Петроградским Советом, сознательно передана в руки капиталистов и помещиков. Это предательство сначала было непонятно рабочим и солдатам, но скоро они это поняли, и в этом им помогли большевики, начавшие собирать свои силы и постепенно вырывать рабочую массу из-под влияния меньшевиков и эсеров.

Буржуазия изображала дело так, будто революция имела своей целью свергнуть царских бесчестных министров и поставить министров новых—буржуазных, «честных». И только. Все остальное должно остаться по-старому. Прежние каторжные условия на фабриках и заводах; по-прежнему земля должна остаться в руках помещиков; по-прежнему в армии будут сохраняться зверские порядки; можно сохранить даже царскую власть, поставив на место Николая, ну, к примеру, Михаила, его младшего брата. А главное—надо продолжать войну, но не по-прежнему, а гораздо лучше, с бо́льшим напряжением сил, «до полной победы»,—ведь, и самая революция из-за того и разразилась, что народ хотел победы, а царское правительство давало только поражения. Вот что преподносили народу буржуазия и временное правительство, возникшее из революции. Иностранные правительства и буржуазия тех стран, в союзе с которыми царская Россия вела войну, переполошились: а вдруг революция помешает России воевать и поставлять для них пушечное мясо,—ведь, тогда Германия сможет их разгромить! Министр иностранных дел Милюков поспешил их успокоить. Он пригласил представителей (послов) всех союзных с царской Россией государств и заявил им, что «новая Россия» будет воевать с бо́льшим напряжением, чем прежде; что она остается вер-

ной заключенным договорам, и что трудящиеся массы России, российские рабочие, крестьяне и солдаты будут проливать свою кровь за дело грабежа, за захват Константинополя, Балканского полуострова, австрийской и германской Польши так же, как они проливали ее при царе, до революции. На большом митинге рабочих и солдат в здании государственной думы, отвечая на вопросы о том, как будет построена новая власть в России, тот же Милюков разъяснил: царская власть должна сохраниться, но вместо Николая Романова царем будет его сын Алексей или его брат Михаил.

Так обстояло дело с войной и с властью. Не лучше обстояло дело и с другими вопросами—о земле, о рабочем дне, о хищнических сверхприбылях капиталистов,—об этих вопросах временное правительство не думало, они его не касались.

По-иному понимали революцию трудящиеся. Для рабочих, крестьян и солдат Февральская революция была революцией не только против царского правительства, но и против войны, против капиталистов и против помещиков. Не совсем только ясно рабочие, крестьяне и солдаты вначале сознавали, каким путем надо итти. Разумеется, рабочие и солдаты ненавидели царя и не могли допустить, чтобы в нашей стране в какой бы то ни было форме сохранилась царская власть. И когда временное правительство хотело помочь Николаю Романову бежать из России, чтобы спасти его от народного суда, а то и сохранить про черный день (при нужде может пригодиться),—рабочие и солдаты перехватили его поезд, шедший с фронта, доставили его в Петроград и арестовали. Настроение рабочего класса и армии и ненависть их к царской власти были настолько ясны, что когда временное правительство обратилось к Михаилу Романову с просьбой сесть на трон,—он счел за благоразумное «отказаться». Так-называемый социалист Керенский объявил Михаила Романова за этот поступок чуть ли не «самым благородным человеком нашего времени». Как мало нужно было, чтобы подкупить таких горе-социалистов, как господа Керенские!

Рабочие, крестьяне и солдаты восстали против войны.

А временное правительство заявляло, что оно будет вести войну «до победного конца». Рабочие требовали 8-часового рабочего дня и человеческих условий работы на фабриках и заводах. А временное правительство заявляло: «Оборона отечества требует длинного рабочего дня». Точно так же относилось временное правительство и к земельному вопросу. Понятно, что негодование трудящихся против временного правительства возрастало с каждым днем. И уже через 1—$1\frac{1}{2}$ месяца после Февральской революции рабочие и солдаты устраивали громадные демонстрации с лозунгами: «Долой министров-капиталистов», «Да здравствует мир и братство народов», «Требуем мира без захвата чужих земель и грабежа других народов», «Хлеба, мира и свободы», «Мир — хижинам, война—дворцам». Этими лозунгами рабочий класс показывал, что он идет не только против войны, но и против господства капиталистов. К этому моменту влияние партии большевиков на рабочую массу и на армию возрастает в огромных размерах. Рабочие и солдаты увидели, что представляет из себя так-называемое временное правительство, созданное при помощи меньшевиков и эсеров, и стали отходить от этих партий и переходить к нам, к партии большевиков. Приехавший из-за границы Владимир Ильич Ленин со всей резкостью и решительностью обрисовал задачи, стоящие перед трудящимися в этой революции. Революция,—говорил тов. Ленин,—не может остановиться на том, что свергнут царь. Она должна итти дальше, рабочие массы и армия должны свергнуть буржуазию и создать свою власть, власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. И эта новая, действительно народная и действительно революционная власть должна установить контроль рабочих над производством, передать всю землю крестьянству, установить 8-часовой рабочий день, немедленно добиться заключения справедливого мира между воюющими, немедленно ограничить прибыли капиталистов; объединить все банки в руках революционного государства. Это—только первые шаги. В дальнейшем новая рабочая власть должна перейти к отнятию заводов и фабрик у капиталистов и к устройству нашей страны на социалистических началах. А пока—никакого доверия временному правительству, беспощадная борьба с ним.

В те дни Владимир Ильич еще допускал, что дело сможет обойтись без второй революции, он еще допускал, что Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, в которых преобладали меньшевики и эсеры, встанут на путь захвата власти,— стоило им только этого пожелать, власть легко перешла бы к Советам. Но скоро он убедился, что меньшевики и эсеры окончательно продались буржуазии.

Рост возмущения рабочих и солдат и приближение новой революции привели буржуазию в состояние страшнейшей растерянности. На помощь пришли все те же меньшевики и эсеры. Для «спасения страны» они вошли в состав временного правительства, послали туда своих самых видных представителей: меньшевики — Церетели, а эсеры — своего вождя Чернова. Этим маневром меньшевики и эсеры хотели создать впечатление, что в состав правительства входят «представители рабочего класса и крестьянства», что правительство это—«всенародное», что трудящиеся должны его поддерживать. А кто не поддерживает, кто борется против него,—тот «сеет смуту» и «анархию», тот «угрожает революции».

Что представляло из себя это новое «всенародное» временное правительство, в котором участвовали эсеры и меньшевики, и во главе которого, все для того же «спасения страны», вместо помещика Львова стал эсер Керенский? Оно оказалось таким же жалким приказчиком международного капитала, нашей российской буржуазии, как и временное правительство прежнего состава. Министром земледелия был назначен эсер Чернов, а потом эсер Маслов. И эти господа, которые всю жизнь называли себя защитниками интересов крестьянства, запретили организацию революционных крестьянских комитетов и стали арестовывать и предавать суду крестьян за захват помещичьих земель. Крестьяне требовали земли, а эсеры им отвечали: подождите до учредительного собрания [1]), а когда соберется учредительное собрание—

---

[1]) Так называлось собрание представителей (депутатов), избранных от всех слоев и классов населения: и от буржуазии, и от помещиков, и от попов, и от крестьян, и от рабочих. Полагалось, что такое собрание депутатов будет решать вопрос о том, какой устроить государственный порядок в стране, как быть с землей, и кому дать ее и т. д. Большевики мало верили в пользу для трудящихся такого сбора разных, друг-другу враждебных классов

этого никто не мог сказать. Министром труда был назначен один видный меньщевик, который только и делал, что доказывал, что требование 8-часового рабочего дня—это «анархия» и «опасность для страны». Министром иностранных дел вместо Милюкова был назначен заводчик Терещенко, продолжавший политику Милюкова. И этими переменами декораций хотели кого-то обмануть! Но этим дело не ограничилось. Германские войска сильно нажимали на французов и англичан. «Союзники» (Англия, Франция), потребовали от правительства Керенского, чтобы русская армия перешла в наступление против германцев и австрийцев и тем отвлекла бы силы германцев с западного фронта. По требованию «союзников», русская армия двинута была в наступление опять за те самые грабительские интересы буржуазии, против которых эта армия только-что совершила революцию. Русская буржуазия и ее лакеи—меньшевики и эсеры—надеялись таким способом вновь водворить в армии царскую дисциплину, разрушенную революцией, и вновь сковать всю страну режимом войны и власти генералов. Глупцы и безумцы! Они не понимали, что заставить восставшего русского солдата из рабочих и крестьян воевать за грабительские интересы буржуазии невозможно. Наступление закончилось жестоким разгромом русской армии. Буржуазия положительно озверела. При помощи меньшевиков и эсеров была введена для солдат смертная казнь, за несколько недель до этого отмененная. Буржуазия стала искать виновников поражения и, конечно, нашла этих виновников в большевиках, которые боролись против войны и призывали солдат не итти в наступление. Надо было видеть травлю, какая поднялась против большевиков, против этих действительных руководителей рабочего класса! Владимир Ильич Ленин, вождь и учитель рабочего класса, был объявлен не больше, не меньше как германским шпионом, на немецкие деньги делающим русскую революцию. Буржуазная сволочь считала, что все средства хороши, только бы обмануть рабочих, только бы не дать им итти за большевиками и за Владимиром Ильичем Лениным, только бы избежать пролетарской революции. Офицерщина, юнкера и буржуазные сынки в сопровождении меньшевиков и эсеров рыскали по Петрограду, искали боль-

шевиков, натравливали на них темную обывательскую массу. Видные представители пролетариата—тт. Троцкий, Каменев, Луначарский, Колонтай и др. были брошены в тюрьмы. Большевистские организации подверглись разгрому, большевистская печать была закрыта. Представителям большевистской партии было запрещено появляться в казармах,—так буржуазия и ее агенты, меньшевики и эсеры, хотели отделить нашу партию от восставших трудящихся масс, так они искали себе спасения. Владимир Ильич Ленин и тов. Зиновьев, по категорическому требованию Центрального Комитета нашей партии, должны были скрываться от полиции и юнкеров Керенского,—партия знала, что эта сволочь только и подстерегает вождей рабочего класса. Теперь для тов. Ленина было уже совершенно ясно, что без новой революции обойтись не удастся. И он стал звать пролетариат на новую революцию, против буржуазии, против временного правительства, за хлеб, за мир, за действительную свободу трудящихся.

А буржуазия и ее союзники, меньшевики и эсеры, все больше и больше запутывались. Только-что они разгромили большевиков и установили смертную казнь для солдат,—как-будто можно было зажить спокойно. Вышло не то. Царские генералы, при помощи которых Керенский подавлял солдат и большевиков на фронте и в тылу, потребовали себе передачи всей полноты власти. Керенские им были не нужны, расправиться с рабочими массами, солдатами и с крестьянством они сумели бы лучше, чем Керенский. Глава царских генералов, главнокомандующий войсками генерал Корнилов, пригрозил, что если рабочий класс и солдаты не будут раздавлены, то фронт русской армии будет прорван, и немцы продвинутся к Петрограду. И тут же сам открыл немцам фронт и отдал им город Ригу, бывшую тогда одним из опорных пунктов революции. Так царские генералы дорожили своим «отечеством». Затем, собрав корпус казачьих войск, генерал Корнилов в конце августа двинулся на Петроград «для водворения твердого порядка», как заявлял он в своих требованиях к временному правительству. Корнилов требовал роспуска Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, разгрома всех революционных организаций и уста-

новления военной диктатуры, т.-е. неограниченной власти царских генералов. Рабочие и солдаты вновь поднялись. Выступление генерала Корнилова потерпело поражение. Но теперь уже совсем ясно было, что в нашей стране может существовать либо настоящая революционная власть, власть рабочих и крестьян, т.-е. власть Советов, либо власть генералов, помещиков и крупных капиталистов. Друг против друга стали трудящиеся и эксплоататоры. Меньшевикам и эсерам и всем прочим, которые состояли посредине и пытались как-будто примирить интересы трудящихся с интересами богатеев и которые, на самом деле, служили этим же богатеям,—им не оказалось места в нашей революции. Они обречены были на гибель. После корниловского восстания уже весь рабочий класс стоял на стороне партии большевиков. Во всех городах в Советах Рабочих Депутатов, где прежде было большинство за меньшевиками, теперь оказалось наше громадное большинство. Армия в своей массе тоже оказалась на нашей стороне. Тогда правительство Керенского прибегло к последнему средству. Оно решило вывести из Петрограда на фронт наиболее революционные полки, а в Петроград ввести казачьи войска, самые темные и отсталые и состоящие из зажиточных казаков. Керенский и буржуазия надеялись, что тогда им удастся раздавить революцию в Петрограде, а затем можно было бы взяться и за всю Россию. Главное—начать с Петрограда, с центра революции. В ответ на попытку вывести революционные войска из Петрограда наша большевистская партия призвала рабочих и солдат к восстанию против буржуазии, к свержению временного правительства и к установлению власти Советов. Только в эти дни, когда произошла Октябрьская революция (это было в октябре), стало ясно, насколько прогнило временное правительство, насколько оно ненавистно рабочим и солдатам. Не нашлось никакой силы, кроме жалких маленьких отрядов юнкеров, которая стала бы на его защиту. И 25-го октября (по новому стилю—7-го ноября) 1917 г. временное правительство быстро свергнуто. Заседавший в Петрограде 2-й Всероссийский Съезд Советов провозгласил Советскую власть. Вместо свергнутого временного правительства Съезд Советов избрал Совет Народных Ко-

миссаров. Председателем Совета Народных Комиссаров был избран Владимир Ильич Ленин, народным комиссаром по иностранным делам—тов. Троцкий, внутренних дел—тов. Рыков, просвещения—тов. Луначарский, социального обеспечения—тов. Колонтай, труда—тов. Шляпников, торговли и промышленности—тов. Ногин и др.

На местах, по постановлению Съезда Советов, вся власть должна немедленно перейти к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Всякий, кто не подчинится новой рабоче-крестьянской власти, будет считаться врагом народа.

Новая страница открывалась в жизни нашей страны и в жизни рабочего класса всех стран. В первый раз в истории государственную власть, да еще в таком огромном государстве, как Россия, захватил рабочий класс.

III. Октябрьская революция и гражданская война.

Октябрьская революция имела своей основной и главной задачей свержение буржуазного строя и установление нового социалистического порядка, при котором земля, заводы, фабрики, машины, сырье, железные дороги, шахты и рудники принадлежали бы трудящимся. Эта задача требовала длительной, упорной и напряженной работы. Ближайшими же задачами Совввласти были: немедленное заключение мира, немедленная передача земли крестьянам, немедленное установление 8-часового рабочего дня на фабриках и заводах, введение других законов по охране труда. Советская власть показала, что она не только обещала это, но и выполнила. Заседавший в октябрьские дни 2-й Всероссийский Съезд Советов обратился ко всем народам с воззванием, в котором предлагал немедленно приступить к переговорам о заключении всеобщего мира, без аннексий и контрибуций или, выражаясь проще, без захвата чужих земель и без грабежа других народов. А Советское правительство—Совет Народных Комиссаров—обратилось с таким же предложением ко всем воюющим правительствам. Вторым важным шагом Съезда Советов было провозглашение национализации земли, т.-е. уничтожения частной собственности на землю и перехода всей земли в руки государства для

передачи ее в бесплатное пользование трудовому народу, крестьянству. У помещиков, монастырей, церквей земля отбиралась без всякого вознаграждения. Для проведения работы по отнятию земли у помещиков, церквей, монастырей и для передачи ее крестьянству Съезд Советов постановил организовать на местах крестьянские революционные комитеты. Так было сделано великое дело, которого крестьянство своей кровью добивалось десятки лет. Временное правительство буржуазии, меньшевиков и эсеров целых 8 месяцев дурачило народ и так и не подошло к земельному вопросу. Стоило восставшему трудовому народу захватить власть, как этот земельный вопрос был разрешен в один день. Конечно, дальше еще предстояло разработать подробный закон о порядке пользования землей, но главное было уже сделано, земля была передана крестьянству. Через три дня после своего возникновения Советская власть провела закон о 8-часовом рабочем дне на фабриках и заводах. Российский пролетариат много десятилетий боролся за 8-часовой рабочий день, царское правительство и буржуазия расстреливали, убивали и вешали за это рабочих; временное правительство буржуазии, меньшевиков и эсеров обманывало рабочих и не хотело вводить 8-часового рабочего дня, откладывая и этот вопрос «до учредительного собрания». Советскому же правительству нужно было только три дня, чтобы 8-часовой рабочий день был установлен на всех предприятиях. В эти же дни был проведен ряд других важнейших законов, касающихся рабочего класса, как-то: страхование рабочих и работниц от несчастных случаев, болезней, инвалидности и т. п. за счет капиталистов, мероприятия по охране труда женщин и детей и т. п. Капиталисты стали распродавать сырье, машины, портить предприятия,—только бы не достались они рабочему классу. Советское правительство для борьбы с этим установило контроль рабочих над производством. Но центром, так - сказать, боевым штабом всех капиталистов были банки: здесь вырабатывались меры экономической борьбы с новым строем, отсюда, на банковские средства, поддерживалась борьба с рабоче-крестьянской властью и сопротивление ей; в банках сосредоточена была связь с международной буржуазией, с биржами, банками и правительствами дру-

гих стран. Одним словом, банки, как это понятно, командовали всей нашей промышленностью и всей нашей буржуазией. Чтобы подавить сопротивление буржуазии в этом наиболее важном пункте, Советское правительство в начале декабря 1917 г. объявило национализацию банков. Это означало, что частные банки уничтожаются, а все существовавшие до сих пор банки с их капиталами и имуществом переходят в собственность и распоряжение советского рабоче-крестьянского государства. Через несколько месяцев в руки рабоче-крестьянского государства перешли также все фабрики и заводы, железные дороги, рудники и шахты. Буржуазия лишилась своих подпорок, царству ее в нашей стране пришел конец.

Наибольшие трудности, как это и следовало ожидать, встали перед Советской властью в вопросе о мире. Так-называемые «союзники» (Англия, Франция, Италия, Америка и друг.), к которым Советское правительство обратилось с предложением заключить всеобщий мир, не приняли этого предложения. Оно им было невыгодно, они уже предвкушали победу над Германией; они уже считали дань, которую они с Германии сдерут. Поэтому на наше предложение они лицемерно ответили, что не могут положить оружия, «покуда не раздавят германский империализм» и не добьются «справедливости». «Справедливость» же эта заключалась для них в том, чтобы Германию разорить, уничтожить и превратить в колонию англо-американского и французского капитала. Наглость их дошла до того, что они требовали, чтобы русский народ выполнил все обязательства, взятые на себя царем и буржуазией, и продолжал воевать за интересы английских, американских и французских капиталистов. Как увидим дальше, «союзники» принимали все зависящие от них меры, чтобы заставить советскую страну воевать в союзе с ними против Германии, и если они не добились всего, чего хотели, то это уж не их вина: трудовые массы нашей страны не пожелали итти под ярмо иностранной буржуазии.

Советская власть стремилась к всеобщему миру. Буржуазия этого не хотела, а рабочие в империалистических странах, жаждавшие мира, были еще слабы и слишком придавлены капиталистами и социал-демократами. Советская

власть должна была в таком случае итти на мир одна—с теми, кто готов был мирные переговоры с нами вести. Уклоняться от мирных переговоров хотя бы только с Германией и Австрией мы не могли. Наша страна уже была выведена из войны; наша армия, наши рабочие и крестьяне не хотели и не должны были воевать за грабительские интересы и цели. Октябрьская революция для того и была совершена, чтобы вывести народные массы из войны. Между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и Австрией—с другой, начались мирные переговоры, приведшие к заключению так-называемого Брестского мира. Никто, конечно, не думал, что германский царь и его генералы, германские помещики и германские капиталисты пошли на мирные переговоры с рабоче-крестьянским советским правительством из-за симпатии и сочувствия к нам. Они нас ненавидели и при первом удобном случае с большим наслаждением раздавили бы и уничтожили Советскую власть в нашей стране. Германские помещики и капиталисты пошли с нами на переговоры потому, что им нужен был мир с нами; их дела на западном фронте (против англичан, французов и американцев) были очень плохи, и они хотели освободиться от восточного (русского) фронта, чтобы все свои силы собрать против англичан, французов и американцев. Но в то же время германские капиталисты и помещики были еще достаточно сильны в сравнении с нами, чтобы навязать нам насильнический, грабительский мир. И действительно, требования, которые они предъявили нашей рабоче-крестьянской республике, были чрезвычайно тяжки. В нашей собственной среде, в партии большевиков, были большие разногласия, идти ли на такой мир с Германией. Немало было таких товарищей, которые считали, что принимать такой мир мы не можем, и мы должны призвать народные массы к новой, революционной войне против империалистической Германии. Владимир Ильич Ленин решительно выступил против таких взглядов. Он доказывал, что народ от войны устал, что армии у нас нет, она уже ушла с фронта; что истомленный войной, истощенный и разоренный народ, и особенно крестьянство, не пойдет в данный момент и на революционную войну, и что при таких условиях разговоры о револю-

ционной войне являются фразой, болтовней. Если,—говорил тов. Ленин,—мы не пойдем на мир, даже самый насильнический и грабительский, даже самый тяжкий, то германские империалисты нас раздавят, и Советская власть, а вместе с ней и все завоевания Октябрьской революции, погибнут. Лучше пойти на самый тяжкий и унизительный мир, только бы спасти советский строй. Отступим, дадим народу передышку после изнурительной войны, соберемся с силами. А к тому времени неизвестно еще какова будет судьба самого германского империализма. Ведь, и у немцев достаточно причин для революции. Советская Россия пошла на тяжкий Брестский мир. Белогвардейцы, вся буржуазная сволочь, меньшевики и эсеры без конца кричали о том, что большевики продали Россию немцам. Это заявляли те самые господа, которые вот уже семь лет только и делают, что торгуют Россией, сами живут за счет подачек иностранной буржуазии и готовы по кусочкам распродать нашу землю, наши фабрики и наши заводы. Пусть теперь найдется такой умник, который стал бы доказывать, что тов. Ленин был неправ. Мы пошли на Брестский мир, мы пережили несколько тяжких месяцев, но уже через 6—7 месяцев этот тяжкий Брестский мир разлетелся в прах; в Германии разразилась революция, и самой Германии со стороны «союзников» (Англия, Франция, Америка) был навязан свой Брестский мир, под другим только названием, так-называемый Версальский мир. Впрочем, этот мир оказался неизмеримо тяжелее, чем Брестский. Прошло несколько лет после Брестского мира. От былого «величия» германского империализма остались одни жалкие воспоминания, а наша советская страна, пережившая Брестский мир, крепла, как никогда.

После Брестского мира наступает тяжелая полоса в жизни Советской России, самая тяжелая за все истекшие семь лет. Российские помещики, буржуазия, генералы и офицеры, эсеры и меньшевики начали организовывать вооруженное сопротивление Советской власти.

В разных уголках России, главным образом, на окраинах страны, собираются вооруженные отряды юнкеров, офицеров, помещичьих и буржуазных сынков, сюда стекаются все, кому так удобно и уютно жилось при царе, и кого

революция лишила этих удобств и привилегий. Одновременно и «союзники» (Англия, Франция и Америка) предприняли вооруженное вмешательство в наши дела. Это вмешательство они проводили разными способами. Внутри России — на Волге, на Каме, на Урале, и в Сибири — они двинули против Советской России чехо-словацкие отряды, находившиеся в России еще со времен царя. Чехословацкие солдаты были подло обмануты «союзниками», будто Советская власть не хочет их выпустить из России. На окраинах — в Архангельске, в Одессе, Севастополе и Батуме, Владивостоке — они высаживали свои «союзнические» отряды, устанавливавшие в занимаемых ими местах такие порядки, в сравнении с которыми царские порядки казались одним удовольствием. Отряды и армии русских белогвардейцев (генералов Краснова, Корнилова, Деникина, Юденича, Врангеля, Колчака) содержались на средства «союзников», которые присылали сюда снаряды, винтовки, пушки, обмундирование и деньги. При русских белогвардейских отрядах состояли французские и английские военные инструктора, инженеры и т. п. Огромные пространства отрезались от Советской России; то хлебородная Украина, и Северный Кавказ, то Сибирь и Урал, то Кама и Волга захватывались белогвардейцами и «союзниками», которые чинили в захваченных местах зверскую расправу над рабочими и крестьянами, разрушали крестьянские хозяйства, отрезали всю страну от плодородных производящих районов, обрекали десятки миллионов населения на голод и мучения. С 1918 и до 1921 года белогвардейские и «союзнические» армии и отряды терзали нашу советскую землю: в Сибири и на Урале царствовал Колчак, на юге — Деникин, под самым Петроградом — Юденич, в Крыму — Врангель. В последнюю очередь на нас напала белогвардейская Польша.

Чего хотели все эти враги трудового народа? Разного, но всех их объединяла ненависть к нашей революции, к нашему советскому строю, к рабоче-крестьянской власти. Английские и французские капиталисты сначала восстали против нас из-за того, что мы прекратили войну с Германией. Они хотели «восстановить восточный фронт», т.-е. силой заставить нас воевать с Германией, чтобы им от этого легче было воевать с той же Германией. И так как Советская

власть не хотела быть приказчиком англо-французского капитала, «союзнические» капиталисты решили свергнуть Советскую власть. Но это только одна причина. Были и другие. Царское правительство и русская буржуазия задолжали иностранным капиталистам, особенно французским, десятки миллиардов рублей золотом. Советская же власть провозгласила, что никаких царских долгов и долгов временного буржуазного правительства российский трудовой народ платить не будет, потому что деньги эти были даны царю и буржуазии для ведения грабительских войн, для содержания жандармов, полиции и огромной армии, для угнетения народа. Понятно, что французские и всякие другие капиталисты решили свергнуть нашу рабоче-крестьянскую власть, дабы спасти свои капиталы. И, наконец, такая причина, как самое существование рабоче-крестьянской власти, существование такой страны, где свергнуты капиталисты и помещики, и отобраны у них все богатства, и где сами трудящиеся управляют государством. Ведь, это так действует на рабочих и вообще трудящихся других стран, ведь, это возбуждает и революционизирует трудящихся, ведь, это страшно опасное соседство. Можно ли его терпеть?!

Как видим, у иностранной буржуазии было достаточно причин ненавидеть нашу рабоче-крестьянскую власть и воевать с ней. А что касается наших российских, так-сказать, отечественных капиталистов и помещиков, то Октябрьская революция отняла у них земли, фабрики, заводы, рудники,— как же им не восставать против этой революции? Ну, а Польша—та просто хотела оторвать от советской страны лакомый кусок земли; тут грабительский интерес ничем не прикрывался, все делалось чрезвычайно откровенно.

Что было бы, если бы враги народа победили? Было бы то, что, во-первых, Россия превратилась бы в колонию иностранных капиталистов, которые хозяйничали бы в ней, так, как они хозяйничают в Индии, в Китае, в Египте, в Африке, в Персии и в Аравии. Взяли бы в свои руки источники нефти, золотые, свинцовые и железные рудники, угольные шахты и высасывали бы из нашей страны все соки, перекачивали бы все наши богатства за границу, в карманы иностранных капиталистов. Во-вторых, земля у крестьян была бы

отнята и возвращена помещикам. В-третьих, была бы вновь установлена царская власть, и, в-четвертых, началось бы вновь неслыханное угнетение и истребление рабочего класса и крестьянства.

Этого не случилось. Враги трудового народа, помещики и капиталисты, российские и иностранные, были разбиты, и Советская власть восторжествовала. Когда оглядываешься на пройденный путь, просто не верится, как мы могли победить. Против нас стояли армии 15—20 государств, богатых, сильных, хорошо вооруженных. Мы же были бедны, чуть ли не нищи, без продовольствия, без вооружения, без обмундирования. И все же мы победили. А победили мы потому, что дело наше было правое, что защищали мы кровные интересы, жизнь, благополучие и будущее рабочего класса и крестьянства. На рабочих и крестьян в эту гражданскую войну обрушились большие страдания и лишения. Рабочие голодали, крестьяне поставляли для армии свое продовольствие, часто до последнего пуда. Часто возникало среди рабочих недовольство, даже волнение,—так тяжело было жить. Но когда ставился вопрос, как говорится, ребром, куда итти, за кого сражаться,—все рабочие и крестьяне, как один человек, шли за Советской властью. Они понимали, что хоть и тяжело приходится, но только при Советской власти можно ждать лучшей жизни, только Советская власть заботится об интересах трудящихся, только Советская власть выведет страну из разрухи и обеспечит трудящимся хорошую, здоровую и разумную жизнь без капиталистов и помещиков.

Теперь понятно, почему наша Красная армия, которую мы строили под огнем, в бою (ведь, царскую армию мы распустили), так беззаветно отдала себя на службу рабоче-крестьянскому делу, так героически сражалась и побеждала. Ведь, состояла наша Красная армия из тех же рабочих и крестьян, за дело которых Советская власть воевала.

Целых 4 года продолжалась мучительная гражданская война. Десятки губерний оказались разоренными, железные дороги испорченными, мосты взорванными, фабрики и заводы разрушенными, миллионы людей погибшими от ран и эпидемий. Только к 1921, а по-настоящему к 1922 году, Советская власть могла сказать, что враги народа разбиты

и рассеяны, отдельные области и районы советской страны собраны и воссоединены, и гражданская война пока-что окончена. Советская власть только теперь получила возможность подумать о главном, ради чего и была совершена Октябрьская революция,—о строительстве социализма.

IV. Строительство социализма.

а) Кто имеет право участвовать в управлении советским государством.

По нашим советским законам, вся власть находится в руках Советов: в селе—в руках сельсовета, в волости—в руках волисполкома, в уезде—в руках уездного Съезда Советов и избираемого Съездом уездного исполкома, в губернии—в руках губернского Съезда Советов и избираемого этим Съездом губисполкома, во всей РСФСР и в других республиках, входящих в наш Советский Союз,—в руках Съезда Советов каждой республики, и избираемого им Центрального Исполнительного Комитета Советов, и, наконец, высшей властью на всем пространстве нашего Союза Советских Республик [1]) является Съезд Советов Союза Республик и избираемый этим Съездом Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик. Правом выбирать и быть избираемым в Советы пользуется всякий трудящийся, достигший 18-ти лет, независимо от того, от какой национальности он происходит, мужчина он или женщина. Во всех буржуазных странах существуют такие порядки, что женщины, и особенно женщины работницы и крестьянки, не пользуются никакими правами участия в государственной работе. Их удел—быть рабынями на фабрике, в помещичьей усадьбе, в домашнем быту. Только наша страна, сбросившая с своих плеч гнет капиталистов и помещиков, освободила от ужасающего и унизительного гнета и женщину. Конечно, трудно советскому строю побороть то, что накоплялось веками. А ведь, веками трудящаяся женщина на-

[1]) Об этом мы будем говорить дальше, когда коснемся национального вопроса в нашей стране.

ходилась в неволе; да и теперь еще немало у нас темных рабочих и крестьян, которые продолжают считать, что женщина должна безропотно слушать «хозяина» своего, мужа,— и только. Советская власть и коммунистическая партия борются с этим злом. Она старается просветить рабочих и крестьян, раскрыть им глаза, убедить их, что такое отношение к трудящейся женщине есть отрыжка прошлого, когда хозяин рассматривал женщину-работницу, как свою собственность, так же, как он считал своей собственностью свою фабрику, свой дом, свою конюшню, своих лошадей и свиней. В то же время Советская власть и коммунистическая партия употребляют все усилия, чтобы поднять самое женщину, заставить ее самое бороться за свои права. Большую пользу в этом отношении приносят так-называемые собрания делегаток от работниц и крестьянок; на эти собрания присылают своих представителей все женщины-работницы, а по деревням—крестьянки. На этих собраниях обсуждаются и решаются вопросы, как вести работу среди женщин, чтобы не отставали они от рабочих и крестьян мужчин, чтобы поспевали за ними, чтобы вместе с ними боролись за окончательное установление нового строя жизни в нашей стране.

Во всех буржуазных странах правом выбирать своих представителей в парламент и городские думы и быть избираемым пользуется обычно «зрелое» население, как любят горделиво выражаться представители буржуазии: в некоторых странах такими «зрелыми» считаются лица, достигшие 25-летнего возраста, в других—24-летнего и только кое-где—21 года. Молодежь, и особенно рабочая, энергичная, активная, готовая отдать себя на служение общему рабочему делу,— такая молодежь во всех буржуазных странах прав лишена, из-за «молодости» и «незрелости». Разумеется, эта причина выдумана для того, чтобы обмануть трудящихся. Кто же на примере наших комсомольцев не знает, что рабочая молодежь в возрасте 18—21 года достаточно подготовлена для участия в разрешении государственных дел? Эта молодежь обычно скорее, чем остальное рабочее население, освобождается от предрассудков, от старых привычек, от тупости и неподвижности. Эта молодежь—передовой отряд борцов за пролетарское дело, за революцию. Но именно поэтому бур-

жуазия всюду считает ее «незрелой» и лишает прав,—боится ее буржуазия. У нас эта молодежь считается нашей опорой, нашей надеждой. У нас она пользуется правом участия в выборах в Советы, начиная с 18-летнего возраста.

Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов избираются рабочими по заводам, фабрикам, рудникам и другим предприятиям; по деревням и селам—от собрания граждан села или деревни. Советы, таким образом, теснейшим образом связаны с производством, с массой трудящегося населения. В Советах собрана вся сила и мощь рабочего класса и крестьянства. Каждый депутат в любой момент может быть своими избирателями—рабочими, крестьянами, красноармейцами—отозван, и на его место избран другой депутат. Таким образом избранник все время находится под контролем избравших его и все время держит перед ними ответ. Во всех же буржуазных странах депутат в парламент или в городские думы избирается на 4—5 лет. За это время депутат может тысячу раз продать интересы пославших его избирателей,—ему на это наплевать; положенные по закону 4—5 лет он сидит на своем кресле, и никакая воля избравших его не может его с этого кресла снять. Буржуазии только того и нужно, чтобы попавший в парламент депутат оторвался от народных масс и служил бы только ей, буржуазии.

Наш советский строй очень прост, понятен и доступен широким массам трудящихся. Недаром Владимир Ильич говорил, что у нас всякая кухарка должна и может научиться управлять государством. Выберут ее, работницу, в Совет, а потом в исполком, присмотрится она к делу, подучится у более опытных товарищей—и начнет сама работать, управлять. Пусть сначала дело идет туговато; не беда, подправится, наберется опыта, будет потом лучше управлять. Кто у нас в исполкомах, в Советах и в других учреждениях пролетарского государства работает и управляет? Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки—кузнецы, слесаря, токаря, столяры, плотники, швейники, кожевники, земледельцы, батраки. Все люди от тяжелого труда, люди, своими руками создающие богатства и своими же руками управляющие советским государством. И управляют неплохо, дело не разваливается, а крепнет и улучшается.

Лишены у нас каких бы то ни было прав выбирать в Советы все те, кто пользуется чужим трудом для получения прибыли, кто хочет быть хозяином и сидеть на шее трудящихся. Лишены у нас права выбирать в Советы и быть избираемыми фабриканты, купцы, кулаки, попы, бывшие служащие царской полиции и т. п. У нас конституция (закон об управлении государством) предоставляет права только трудящимся. Буржуазия всех стран и ее верные приказчики—меньшевики и эсеры—обвиняют нас за это в «тиранстве», в «лишении прав огромного количества граждан», в «отсутствии равенства», в «отсутствии демократии». Тупицы, они как-будто не понимают и не видят, что только у нас осуществлена действительная демократия, действительное привлечение всех трудящихся к делу управления государством, действительная связь депутата с избирателями, действительный контроль над депутатами, действительная возможность их переизбрания, когда это угодно избирателям. Для буржуазии демократия—это такой порядок, при котором управляют капиталисты и помещики, а рабочие и крестьяне «голосуют», «подают записки». К такой «демократии» мы никогда не вернемся, такую «демократию» мы свергли.

Не все, конечно, и не всегда идет у нас гладко в Советах. Иногда со стороны служащих в наших советских учреждениях замечается бездушное и казенное отношение к делу, к посетителям, к рабочим и крестьянам. Это чаще всего бывает там, где сидят старые чиновники, оставшиеся нам от царя, которые не понимают революции, не знают, как надо работать для пролетариев и крестьян. Тут всем рабочим и всем крестьянам надо помогать Советской власти освободиться от таких чиновников, заменить их новыми, нашими, любящими наше дело людьми. Все рабочие и все крестьяне должны помогать Советской власти устранять недостатки в нашей работе, бороться с злоупотреблениями и беспорядками, если они встречаются. Все недостатки исправятся. Самое важное—это то, что власть находится в руках трудящихся, и что трудящиеся хотят создать и создадут такой порядок, который удовлетворял бы рабочих и крестьян.

б) Пролетариат и крестьянство.

Два класса стоят у нас у власти: пролетариат и крестьянство. Октябрьскую революцию пролетариат совершил при помощи крестьянства. Только опираясь на крестьянство, пролетариат сможет завершить дело социализма в нашей стране. Этому учил нас Владимир Ильич всю свою жизнь. В годы гражданской войны, как мы уже говорили, туго и тяжело приходилось крестьянству. По разверстке у крестьянина отнимался в государственные амбары хлеб, крестьянину оставлялась только норма, т.-е. такое количество хлеба, которое необходимо было для пропитания его и его семьи. Нечего скрывать: случалось и так, что и норма крестьянину не оставалась. Враги трудящихся злословили, будто Советская власть это делает намеренно, она, якобы, настроена против крестьян. Крестьянство понимало, что это—ложь. Мы вели изнурительную войну, нам надо было кормить Красную армию и рабочих тех заводов и фабрик, которые готовили для армии вооружение и обмундирование. Этой цели надо было подчинить все остальное, хотя бы временно и интересы крестьянства. Дело шло о самом существовании Советской власти, о том, у кого будет земля—у крестьян или у помещиков. Но как только война стала подходить к концу, так Советская власть сразу переменила свою политику в отношении крестьянства. В марте 1921 г. на X съезде коммунистической партии (большевиков) Владимир Ильич Ленин поставил вопрос так: крестьянство во время войны нас поддерживало, потому что дело шло о защите крестьянской земли; крестьянство терпело и ждало окончания войны; оно нам верило. Теперь война подходит к концу, надо подумать о помощи крестьянству. Чем может советское государство помочь крестьянству? Прежде всего, тем, что откажется от разверстки, введет продовольственный налог, будет брать с крестьянина лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы наша страна могла как-нибудь просуществовать; остальное должно остаться в распоряжении крестьянства для продажи, обмена и т. п. Советское правительство поступило так, как

предлагал Владимир Ильич. Однако, одной этой меры было недостаточно. Крестьянское хозяйство за годы войны пришло в упадок, нужна была помощь для его восстановления. Советская власть принимала в этом отношении ряд мер. Она снабжала крестьян семенной ссудой; в последний год открыт сельскохозяйственный банк для оказания широкой помощи крестьянству кредитом на закупку семян, машин, скота, на улучшение ведения хозяйства. Но наше все еще небогатое и не оправившееся от ран государство может отпускать средства на восстановление крестьянского хозяйства в недостаточных размерах. Необходимо, чтобы само крестьянство сорганизовалось для дела самопомощи. Советская власть всячески содействует крестьянству в организации разного рода кооперативов и товариществ—по закупке семян, машин, по орошению и т. п. Этим кооперативам и товариществам в первую голову оказывается кредит. В последние два года кооперативное дело в деревне сильно шагнуло вперед. Но все мероприятия советского государства по отношению к деревне упирались и упираются в одно большое препятствие—в некультурность и отсталость крестьянского населения. Конечно, в этом виновато не само крестьянство. Царское правительство держало его в темноте: оно насаждало в деревне не школы, а кабаки. Для просвещения крестьян оно ставило не учителя, а попа. Крестьянство, по милости царского строя, до сих пор ведет обработку земли прадедовскими способами, до сих пор ждет урожая и дождя от бога, до сих пор верит обману попов. Поэтому поднять культуру и просвещение в деревне—первая задача Советской власти. Об этом очень много говорил и много для этого делал Владимир Ильич. Дать деревне хорошую школу с хорошим учителем, агронома, врача, доставлять в деревню газету, присылать нужные деревне книги, организовать библиотеку и избу - читальню, сдвинуть крестьянина с места—вот что нужно делать. Эти требования Владимир Ильич предъявлял всей коммунистической партии, всем органам Советской власти и всему рабочему классу. Уже незадолго до того, как Владимир Ильич последний раз заболел, он писал о необходимости установления более тесной культурной связи между пролетариатом и крестьянством (Владимир Ильич называл это культурным шефством города над

деревней). Он доказывал, что каждая фабрика, каждый заводский комитет и каждая фабрично-заводская партийная ячейка должны взять шефство над какой-нибудь волостью или деревней и систематически, постоянно и неуклонно помогать ей развиваться, культурно подниматься и двигаться вперед. Нашим работникам, членам исполкомов, заведующим отделами и всяким другим тов. Ленин говорил: почаще заглядывайте в деревню, присматривайтесь и учитесь многому у крестьянства, прислушивайтесь к его нуждам, идите ему навстречу. Только тогда вы сумеете вести его за собой, и только тогда союз между пролетариатом и крестьянством будет прочен и нерушим.

Советская власть по мере своих сил и средств старается осуществлять заветы Ильича. Она понимает, что у рабочего класса имеется только один союзник—крестьянство.

Крестьянское хозяйство, благодаря мероприятиям Советской власти, начало быстро подниматься и становиться на ноги. Голод, обрушившийся на Советскую Россию в 1921 г. и охвативший 30 губерний с населением в 28 миллионов человек, затормозил восстановление нашего сельского хозяйства. Точно так же некоторое расстройство в наше сельское хозяйство внес недород этого года, охвативший 13 губерний с населением в $7^1/_2$ миллионов человек. Тем не менее, наше сельское хозяйство становится на ноги. Это видно из цифр. В 1922 году посевная площадь под хлеб в нашем Советском Союзе (без Дальне-Восточной области, Закавказья и Туркестана) составляла 49 с лишним миллионов десятин; в 1923 г. она поднялась почти до 60 миллионов десятин, и в 1924 г. посевная площадь увеличилась еще на 7% против 1923 г. Особенно заметно возрастает посевная площадь под хлопок, из которого изготовляется мануфактура для широкого потребления рабочих и крестьян. В текущем году сбор урожая хлопка будет доведен до $12^1/_2$ миллионов пудов. Но быстрее всего идет восстановление нашего животноводства. Если количество рогатого скота, которое имелось в нашей республике в 1922 году, принять за 100, то в 1923 г. мы имели свыше 110 и в 1924 г. имеем свыше 132. По тому же расчету мы имели: лошадей в 1922 г.—100%, а в 1924 г.—свыше 110%; овец в 1922 г.—100%, а в 1924 г.—128%, и,

наконец, свиней в 1922 году 100%, а в 1924 г. около 200%. Само собой понятно, что если бы не было неурожая в 1921 и 1924 гг., то восстановление нашего животноводства шло бы еще быстрее. Общее улучшение нашего сельского хозяйства так далеко продвинулось вперед, что советскому правительству без особого труда удалось справиться с неурожаем этого года в нескольких губерниях. Правительство ассигновало большие суммы на помощь пострадавшему от неурожая населению и на восстановление его хозяйства. Несмотря на некоторый недобор урожая в этом году, мы после удовлетворения всех потребностей сельского населения и городского населения сможем совершенно свободно вывезти за границу не меньше чем 250 миллионов пудов хлеба и на вырученные деньги закупить необходимые для крестьянства сельскохозяйственные машины и оборудование для наших фабрик и заводов. Несмотря на неурожай в нескольких губерниях, крестьянство за проданные продукты сельского хозяйства выручит не меньше чем 200 миллионов рублей, а эта сумма несколько больше, чем та, которую крестьянство выручило в прошлом году. Значит, и промышленность наша, производство фабрик и заводов не только не сократится, а развернется, потому что работает наша промышленность в значительной части на деревню, а деревня в этом году, если взять ее целиком, по всему нашему Союзу, а не по отдельным районам, будет в общем иметь свободных средств не меньше, чем в прошлом году, а больше. Как же так выходит, что при худшем, чем в прошлом году, урожае крестьянство за проданные им сельскохозяйственные продукты выручит больше денег? Объясняется это тем, что цены на сельскохозяйственные продукты за истекший год сильно поднялись. На 1-е октября 1923 г. пуд ржи в нашей стране стоил в среднем 37 коп., пуд пшеницы—62 коп., пуд овса—35 коп. и пуд ячменя—29 коп. Если сравнить эти цены с ценами на фабрично-заводские изделия (мануфактуру, кожевенные товары, соль, металлические изделия и т. п.), то окажется, что по сравнению с довоенным временем цены на сельскохозяйственные продукты сильно понизились, а цены на фабрично-заводские изделия повысились. Отсюда получились те так-называемые «ножницы», о которых так много говорилось и писалось у

нас в течение всего минувшего года. Советская власть приняла самые энергичные меры, чтобы устранить это несоответствие, так невыгодно отражавшееся на интересах крестьянства. В результате всех этих мер цены на сельскохозяйственные продукты за этот год повысились на 90—100% (почти вдвое), тогда как цены на фабрично-заводские изделия понизились на 15, 20, 30 и даже 50%. На 1-е октября 1924 г. цена на рожь составляет в среднем в нашем Союзе—80 к., на пшеницу—1 р. 18 к., на овес—82 коп., на ячмень—92 коп. Как видим, по некоторым хлебам цены возросли более, чем вдвое. Вот это повышение цен на хлеб и даст возможность крестьянству закупить фабрично-заводских изделий на большую сумму, чем в прошлом году, несмотря на то, что в некоторых губерниях мы имеем неурожай. А промышленность наша по этой причине сможет успешно развивать свою деятельность. Теперь кажется совсем ясно, что всякие разговоры врагов советского строя о том, что крестьянское хозяйство у нас разорено и не восстанавливается, является сплошной болтовней. Крестьянин встает на ноги, и в этом ему энергично помогает рабоче-крестьянская Советская власть. Так между пролетариатом и крестьянством, между Советской властью и нашей деревней образуется тесный союз, которому не страшны никакие враги.

в) Восстановление промышленности и финансов.

Годы гражданской войны были годами нашей промышленной разрухи. У нас не было топлива, железные дороги останавливались из-за отсутствия угля, нефти и дров. По этой же причине стояли фабрики и заводы. Рабочий получал ничтожную заработную плату, чаще всего дело ограничивалось одним полуголодным пайком. За истекшие 2 года и здесь дело заметно подвинулось вперед, при чем особенно заметны результаты, достигнутые в этом году. Если взять каменный уголь, то картина получается такая: с октября по июль прошлого (1922/23) года добыто было всего в нашем Союзе 486½ миллионов пудов угля; за те же 9 месяцев этого года добыто свыше 640 миллионов пудов. За 9 месяцев прошлого года добыто 231 милл. пуд. нефти, за те же месяцы

этого года—259½ милл. пуд. Чугуна выплавлено за 9 месяцев прошлого года 13 милл. пудов; за тот же промежуток времени этого года—29 миллионов пуд. За 9 месяцев прошлого года выработано хлопчатобумажных тканей, идущих, главным образом, в деревню, 600 миллионов аршин, за 9 месяцев этого года—832 миллиона аршин. Если теперь подойти по-иному и подсчитать, что стоят выпущенные нашей промышленностью изделия по довоенным ценам, то окажется, что так-называемая тяжелая индустрия (металлургическая и металлообрабатывающая) выпустила за 9 месяцев прошлого года на 328½ миллионов рублей, а за 9 месяцев этого года на 516 миллионов рублей; легкая индустрия (текстильная, кожевенная, пищевая, печатное дело, химическая и т. п.) за 9 месяцев прошлого года выпустила изделий на 432½ миллионов рублей, а в этом году—на 584 миллиона рублей. Как видим, промышленность наша растет; правда, не так быстро, как мы бы этого хотели, как это нам было бы необходимо, но все же растет. А вместе с ростом промышленности растет и количество рабочих, занятых в ней: так в прошлом году в предприятиях, находящихся в ведении государства, значилось в среднем 971 тысяча рабочих, а в этом году 1.202 тысячи.

В прошлом году как-раз в эти осенние месяцы Советская Республика была очень озабочена вопросом, как бы лучше развить государственную и кооперативную торговлю. Ведь, положение было такое, что в городах меньше ³/₄ розничной торговли находилось в руках частных торговцев, а в деревне в руках частных торговцев находилась вся торговля целиком. Выходило так, что вместо того, чтобы рабоче-крестьянское государство и кооперация доставляли рабочему и крестьянину нужные им и по доступным ценам продукты, в середину втерся частный торговец, паук, кулак, спекулянт, обиравший и рабочего, и крестьянина и грозивший сорвать союз между государственной промышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством. Советской властью, как было уже сказано, приняты были меры к тому, чтобы удешевить продукты государственной промышленности и сделать их более доступными для деревни. Меры эти уже дали весьма заметные ре-

зультаты. Увеличился, прежде всего, оборот государственной торговли и кооперации. Если взять 100 крупнейших предприятий, принадлежащих государству, то их торговый оборот возрос на 56%. Точно так же возрос оборот и кооперации. Если взять всю сумму оборота потребительской, сельскохозяйственной и промысловой кооперации, не по всем ее низам, не по городам, уездам и волостям, а только ту торговлю, какую вели центральные органы этой кооперации, то получим: в октябре 1923 г. торговый оборот составлял 6 миллионов рублей, в сентябре этого года—20 миллионов рублей, при чем были месяцы с оборотом в 30 и больше миллионов рублей. Если и тут в области торговли провести такое же сравнение с прошлым годом, какое мы дали по промышленности, то получим: за весь прошлый 1922—23 хозяйственный год (с 1-го октября 1922 г. по 1-е октября 1923 г.) обороты московской товарной биржи составляли 971 милл. р., а за 1923—24 г.—более чем 1½ миллиарда рублей. Такое же увеличение оборотов дает торговля трестов и синдикатов государственной промышленности, а также кооперации. В большом размере возросла и наша внешняя торговля—вывоз наших товаров за границу; тут мы имеем увеличение против прошлого года почти втрое. Поднялся у нас и наш транспорт, наше железнодорожное дело. Здесь мы имеем улучшение против прошлого года на 115—125%. Как видим, наши враги слишком торопятся, когда предрекают нашему Советскому Союзу гибель и распад из-за промышленной разрухи. Промышленность у нас поднимается. И если в этом году она достигла только 40% по сравнению с довоенным производством, то в будущем она будет равняться не менее 60%, а года через 2, через 3 мы сможем и обогнать довоенное производство. Надо только основательно приналечь на это дело, и тут надо признаться, что у нас имеются большие недостатки. Главный недостаток и наша беда—это слабая производительность труда рабочих. При всей бедности нашей советское государство довело заработную плату рабочих по сравнению с довоенной до 60—70, а кое-где и до 90%, тогда как производительность труда не поднялась выше 35—40%. От этого проистекает большой убыток для государства и невозможность в достаточной мере

в дальнейшем улучшать положение рабочего класса и помогать крестьянству. Нам, рабоче-крестьянскому государству, неоткуда ждать помощи. Мы будем становиться крепче и богаче по мере того, как сами на наших заводах и фабриках и в нашем сельском хозяйстве будем больше производить, больше продавать и больше накоплять. Все упирается в производительность труда. Конечно, страдает эта производительность и от того, что устарели и попортились машины, станки, не совсем хороши условия работы на фабриках вообще. Все это так. Но и обновления машин и оборудования мы не сможем произвести, если своим же трудом, своей работой не накопим для этого средств. Значит, первое дело, самое важное и самое главное, несмотря на плохое оборудование и плохие условия работы,—производительность труда поднять. Это пойдет на пользу только трудящимся. Почти все фабрики и заводы в руках рабоче-крестьянского государства и всякое улучшение на фабриках и заводах пойдей на пользу этого государства—всем трудящимся, а не капиталистам. Рабочий класс нашей страны уже не раз доказал, что он в состоянии справиться со всякими трудностями. Можно не сомневаться, что он справится и с этой трудностью.

Рост нашего хозяйства дал нам и улучшение нашего денежного дела. Еще совсем недавно рабочий класс и крестьянство так терпели от того, что не было твердых и устойчивых денег,—так-называемый советский знак каждый день падал в цене. Когда советское правительство по-серьезному подошло к денежному делу и решило ввести твердую валюту, т.-е. такие деньги, которые не менялись бы каждый день в цене и не приносили бы рабочим и крестьянам ущерба,—наши враги посмеивались: ну, где им ввести твердую валюту, промышленность у них слабая, сельское хозяйство тоже, золотых запасов у них нет, заграничные банкиры им денег взаймы не дают, иностранные капиталисты их не любят,—как им при всех этих условиях ввести твердую валюту? Не введут. Пусть потешаются. Твердая валюта введена, и наш советский рубль расценивается в нашей стране так же твердо, как американский доллар в Америке, и гораздо тверже, чем франк во Франции или марка в Герма-

нии. Рабочие и крестьяне нашего Союза доверяют полностью советскому правительству и его рублю,—это даст советскому рублю такую твердость и устойчивость. Растет и крепнет и наш бюджет, т.-е. свод государственных доходов и расходов. В 1922/23 г. наш бюджет составлял в круглых цифрах 1.300 миллионов рублей; в 1923/24 г. он равнялся 1.900 милл. рублей, а в 1924/25 г. он утвержден в сумме 2.100 миллионов рублей. Мы имели бы, несомненно, в 1924/25 г. больший бюджет, если бы, опять же, не неурожай в ряде губерний. Как дорого стоит нашему народу наш бюджет? Если подсчитать все без исключения налоги, собираемые с населения, прибавить сюда все расходы, которые несет население по покупке облигаций выигрышных займов, то мы получим, что на душу населения всех этих налогов падает около 7 руб. в год, тогда как до войны, при царе, на душу населения падало 11 руб. в год. Если сравнить наш теперешний рубль с довоенным рублем и принять во внимание, что он почти вдвое ниже довоенного по своей стоимости, то окажется, что мы с каждой души населения взимаем налогов втрое меньше, чем при царе. В основу у нас положен так-называемый прямой налог. Это значит, что каждый платит налог в зависимости от его имущественного положения: будь ли то единый сельскохозяйственный налог, будь ли то промысловый налог, или подоходно-поимущественный,—он взимается в зависимости от того, каким кто обладает состоянием. Что касается наших расходов, то мы в бюджете имеем такие важные расходы, как помощь сельскому хозяйству, доходящие до 125 миллионов рублей, и расходы на народное образование, достигающие по государственному бюджету свыше 100 миллионов рублей. Если сюда прибавить расходы на народное образование, которые несут областные, губернские и уездные исполкомы и советы, то все расходы на народное образование составят в новом бюджетном году 260—265 миллионов рублей. Этого недостаточно для того, чтобы полностью удовлетворить все нужды народного просвещения, но это большой шаг вперед, особенно если иметь в виду недостаток средств у государства.

Так понемногу рабоче-крестьянская страна, свершившая величайшую революцию, вылезает из грязи, разрухи, болезней и невежества и твердым и уверенным шагом движется вперед к социализму.

г) Октябрьская революция и национальный вопрос.

Царский строй держался на угнетении всего населения, и особенно на угнетении народов нерусского языка. Помещики и буржуазия считали русский народ великодержавным, по отношению к которому все другие народы, населяющие территорию так-называемой Российской империи, должны быть подвластны. Нечего и говорить, что действительному и настоящему русскому народу, русским рабочим и крестьянам, не нужно было это великодержавие. Именем русского народа цари, помещики и капиталисты играли и злоупотребляли. Они натравливали русских рабочих и крестьян на трудящихся других национальностей; этим они хотели отвлечь гнев русского трудового народа от действительных виновников его нищеты, невежества и кабалы—царя, помещиков и капиталистов. Целые народы, как, например, евреи, лишались самых простых человеческих прав, в роде права жить в целом ряде губернских городов, селах и деревнях, права свободного передвижения, и т. п. Такие огромные области, населенные многими миллионами трудящихся, как Туркестан или Киргизия, находились на положении колоний, откуда царь, купцы и банкиры выкачивали за бесценок сырье, пользовались там дешовой, чуть ли не бесплатной, рабочей силой, держали там самых зверских, бесчестных, проворовавшихся чиновников, губернаторов и офицеров. Народы нерусского языка не имели права открывать школы на родном языке; обычно в школы к детям этих национальностей посылались русские учителя, верные холопы царя, и эти учителя на русском языке должны были обучать детей, которые никогда русского языка не слыхали. Революция против царя помещиков и буржуазии должна была быть одновременно, и была, и революцией против национального угнетения. Этого как-будто бы не понимала буржуазия и ее прихвостни—меньшевики и эсеры. Когда они очутились у власти после Фе-

вральской революции 1917 г. (временное правительство), они продолжали ту же политику национального угнетения, только в немного смягченном виде. По крайней мере, когда Финляндия и Украина хотели в 1917 г. распорядиться своей судьбой, правительство Керенского послало туда войска. Советская власть с первых же дней своего существования провозгласила, что она признает за каждым народом, населяющим территорию бывшей Российской империи, право свободно устраивать свою жизнь, вплоть до отделения от России и образования самостоятельного государства. Это заявление не осталось пустыми словами. Народы, населяющие землю нашего Союза, действительно свободно устраивают свою жизнь. Мы имеем целый ряд независимых республик, как-то: РСФСР, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Азербайджан, Узбекская и Туркменская Республики. Мы имеем ряд республик автономных (Татарская, Башкирская, Бурято-Монгольская, Карельская, Немцев Поволжья и других), т.-е. таких, которые входят в состав РСФСР, но самостоятельны в своих внутренних делах — в вопросах внутреннего управления, просвещения, землеустройства, судебного дела, организации здравоохранения ит. п. Каждому народу предоставлена полная возможность развивать свою культуру, строить дело просвещения, как он считает у себя удобным и прежде всего на своем родном языке. Для чего все это делается? Для того, чтобы приблизить Советскую власть к самым широким народным массам, которые в течение десятилетий, а то и столетий держались царем в черном теле; чтобы эти народные массы видели, что Советская власть—это их родная, своя власть; чтобы эти массы втягивались в дело управления, чтобы возможно скорее подняли они свой быт и культуру. Около года назад представители всех советских республик съехались в Москве и добровольно договорились о том, чтобы образовать Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Так трудящиеся нашего Союза решили объединить свои силы для совместной работы по установлению социалистического строя, для совместной борьбы против мировых хищников капитала, для совместной защиты нашей советской социалистической земли. В то же время каждая респу-

блика, входящая в Союз, остается совершенно свободной во всех своих внутренних делах по управлению государством. Национальная политика Советской власти имеет колоссальное международное, мировое значение, особенно для народов Востока. В то время, как империалистская Англия или империалистская Франция держат в своих тисках Индию, Египет, Аравию, Месопотамию, Сирию, или когда империалисты всех стран терзают и рвут на части Китай,—в это время под боком у них и рядом с ними есть страна, где бывшие, прежде также угнетенными народы (киргизы, туркмены, узбеки, татары, калмыки, бурято-монголы и т. п.) строят свою жизнь по-новому, по-свободному, не как рабы, и в этом им помогает революционная рабоче-крестьянская Советская власть. Понятно, почему все восточные народы тянутся к Советскому Союзу, и почему с таким благоговением произносят они имя вождя пролетарской революции и основателя первого в мире социалистического государства Владимира Ильича Ленина. Пример СССР показывает угнетенным восточным народам, что и они могут по-иному устроить свою жизнь,—надо им только организоваться и восстать против империализма.

д) Октябрьская революция и охрана интересов пролетариата.

Для того, чтобы со всех сторон охранить интересы рабочего класса в нашей стране, Советская власть сначала в 1918 г., а позднее в 1922 г. издала свод законов о труде, так-называемый Кодекс законов о труде. По этому Кодексу устанавливается, что продолжительность нормального рабочего дня не может превышать 8-ми часов. Для лиц в возрасте от 16-ти до 18-ти лет, а также для рабочих, занятых на подземных работах, рабочий день не может быть выше 6-ти часов. Точно так же вводится сокращенный рабочий день для рабочих, занятых в производствах особо тяжелых и вредных для здоровья. Как общее правило, сверхурочная работа не допускается. Всем трудящимся предоставляется еженедельный непрерывный отдых не менее, чем в 42 часа. Всем, проработавшим непрерывно не менее $5\frac{1}{2}$ месяцев,

предоставляется право на двухнедельный отпуск с сохранением заработка, а для лиц, не достигших 18-ти лет, отпуск этот должен быть не менее одного месяца. Применение труда женщин и лиц моложе 18-ти лет в особо тяжелых и вредных для здоровья производствах воспрещается, точно так же, как воспрещаются этим лицам ночные работы. Особенное внимание обращено на охрану труда женщин. Так, женщины, занятые физическим трудом, освобождаются от работы в течение восьми недель до родов и восьми недель после родов, а занятые конторским и умственным трудом в течение шести недель до и шести недель после родов. Для наблюдения за выполнением всеми предприятиями законов по охране труда введена инспекция труда; инспектора избираются профессиональными союзами. Все лица наемного труда, занятые в государственных, общественных, кооперативных, частных и т. п. предприятиях и учреждениях, а также у частных лиц, обеспечиваются законом о социальном страховании. По этому закону предприятия обязуются взносами в определенном проценте в страховые кассы, и на образуемые таким путем суммы оказывается помощь рабочим, работницам и служащим: а) лечением, б) выдачей пособий при временной утрате трудоспособности (болезнь, увечье, беременность, роды, уход за больным членом семьи), в) выдачей дополнительных пособий, на кормление ребенка и т. д., г) выдачей пособий при безработице, д) выдачей пособий при инвалидности, е) выдачей пособий членам семьи трудящихся в случае смерти их кормильца и т. п.

Совершенно исключительная роль отведена в Кодексе законов о труде профессиональным союзам. В то время, как во всех буржуазных странах капиталисты добиваются того, чтобы им совершенно не считаться с профсоюзами, а иметь дело с каждым рабочим в отдельности и в одиночку каждого притеснять и грабить, у нас за профсоюзами признано полное право заключать от имени рабочих и служащих договоры с предприятиями и выступать в качестве законных защитников интересов трудящихся. В то время, как в буржуазных странах профсоюзы добиваются права на существование, при чем действительно пролетарские революционные профсоюзы подвергаются преследованиям,

в нашей стране профессиональные союзы принимают участие в разрешении важнейших государственных вопросов, и без них ни один вопрос, касающийся профессиональных интересов пролетариата, не может быть разрешен. Так охраняются интересы труда в республике Советов. Разумеется, мы не все даем пролетариату в отношении охраны труда и всякой другой помощи, что мы хотели бы дать, не всегда у нас содержатся в исправности фабрики и заводы, часто нет вентиляций и других необходимых предохранительных сооружений, не всегда мы выдаем помощь безработным в таком размере, чтобы они могли более или менее сносно просуществовать, но всякий знает, что мы даем все, что мы можем дать, и что в богатых капиталистических государствах рабочему классу не дается даже небольшая доля этого. Понятно, что по мере укрепления нашей промышленности и роста наших богатств, мы будем вводить все новые и новые мероприятия по охране труда, ибо наша задача создать для рабочего и работницы такую обстановку, при которой сохранялись бы его физические силы, и он мог бы развиваться духовно.

Можно было бы привести еще немало фактов, показывающих, что дала трудящимся Октябрьская революция. Достаточно упомянуть хотя бы еще о народном просвещении, и в частности о высшей школе. Царь оставил нам в наследство по всему СССР не менее 30 миллионов безграмотного населения и свыше 60% детей школьного возраста (8—11 лет), находящихся за бортом школы. Для сынков и дочек помещиков, капиталистов, купцов, чиновников существовали гимназии, реальные и коммерческие училища, пансионы, институты благородных девиц, университеты, а для детей рабочих и крестьян—начальная и церковно-приходская школа с попом. Это—в лучшем случае, а в худшем—безграмотность и водка. О высшей школе рабочие и крестьяне не могли и мечтать. Советской власти по бедности нашей не удалось еще до сих пор сделать всех безграмотных—грамотными и всех детей взять в школу. Но эта задача поставлена, и мы идем к ее разрешению. Совсем по-особому стал

вопрос о высшей школе. Советская власть считала своей задачей открыть высшую школу для трудящихся,—для рабочих и крестьян. Но как быть с ними? Ведь, они не подготовлены к обучению в высшей школе! Тут на помощь пришли рабочие факультеты. Эти рабочие факультеты были организованы Советской властью для того, чтобы рабочих от станка и крестьян от сохи в течение трех-четырех лет подготовить к высшей школе. Надежды, которые возлагались на рабочие факультеты, полностью оправдались. В 1922 г. в наши высшие учебные заведения было принято 3.000 рабочих и крестьян, окончивших рабфаки, в прошлом году их принято было 5.000 и в этом году—около 7.000. На самих рабфаках только по РСФСР (без Украины, Белоруссии и Закавказья) обучается 35.000 учащихся, среди которых рабочие составляют не менее 70%, а рабочие и крестьяне, вместе взятые, не менее 90%. Изменилось лицо наших вуз'ов. Там, где раньше мы совсем не имели рабочих и крестьян, там мы теперь имеем такую картину: в этом году принято было рабочих и детей рабочих 36 с лишним %% и крестьян и детей крестьян около 32%, а всего мы имеем по нашим вуз'ам уже около 40.000 рабочих и крестьян и детей рабочих и крестьян. Постепенно и неизменно высшая школа, которая была прежде оплотом буржуазии и помещиков и подготовляла образованных людей для обслуживания буржуазного строя, теперь готовит новых работников из рабоче-крестьянской среды для обслуживания советского социалистического строя.

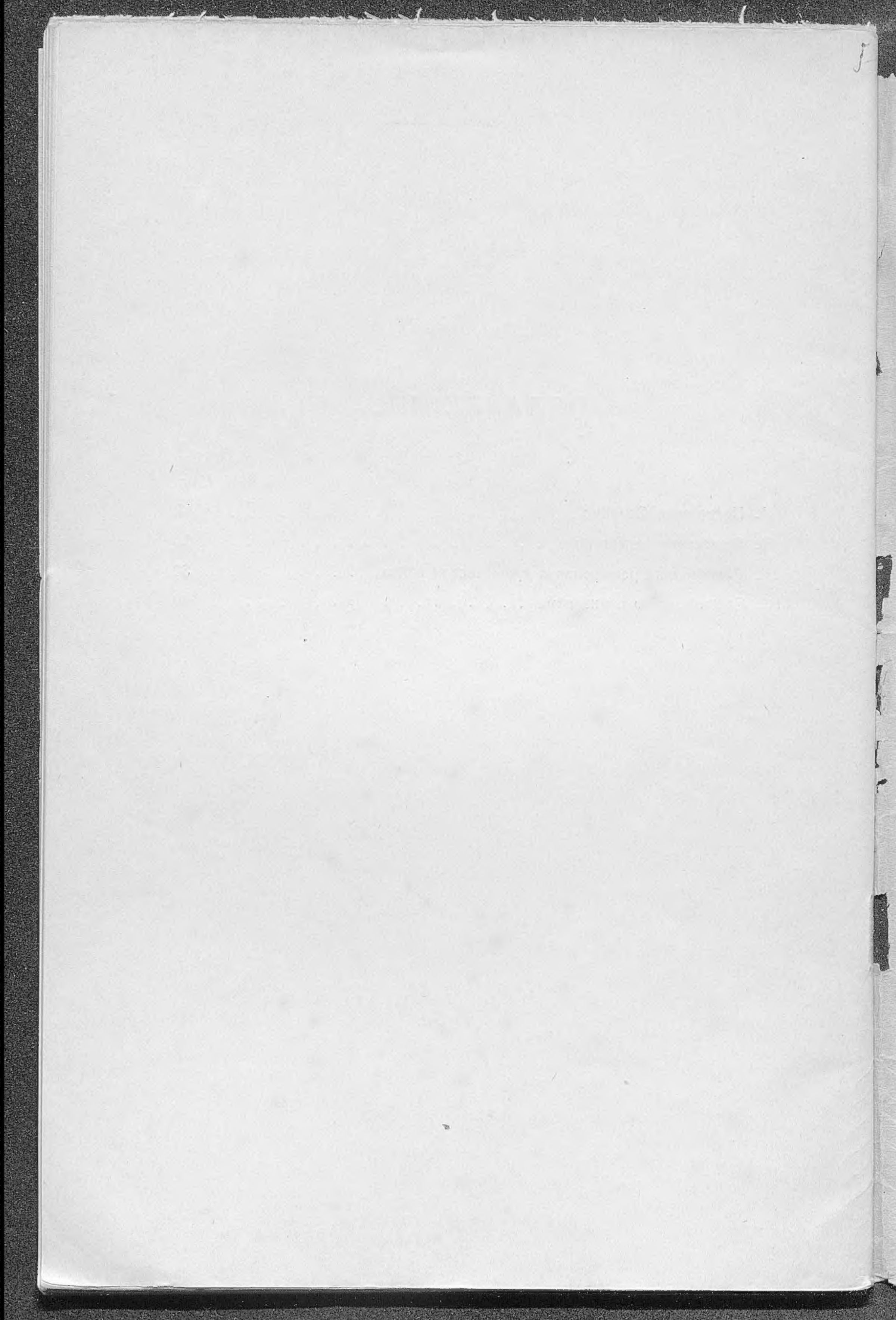
* * *

Так в разных пунктах нашего строительства мы крепнем и движемся вперед. Это знают и чувствуют и наши друзья, и наши враги. Наши враги, буржуазия всех стран, которая в течение нескольких лет воевала против нас, разоряла и грабила нашу землю и пыталась нас взять измором, убедилась в безнадежности этого дела. Она идет теперь с нами на мировую, на соглашение. Целый ряд крупных буржуазных государств (Англия, Италия) и ряд менее крупных (Швеция, Норвегия, Дания и т. д.) уже признали нас, как «законное правительство». Не за горами, повидимому, призна-

ние со стороны Франции и Японии. Почему буржуазия всех стран с нами сейчас так любезно разговаривает? Потому что она видит, что широкие массы народа, весь рабочий класс и крестьянство идут за Советской властью, и что эта власть настолько сильна и крепка, что никакая иноземная буржуазия не может ее свергнуть. А между тем, в руках Советской власти находятся неисчислимые богатства—плодородные поля, нефтеносные земли, залежи каменного угля, железные руды, золотые россыпи, громадные лесные площади. И хочется буржуазии подойти к этим богатствам — уж больно лакомый кусок. Как же из-за этого не вступать в переговоры и соглашение с ненавистной Советской властью, если нет у них сил и средств эту власть свергнуть?

А наши друзья—рабочие всех стран—вместе с нами радуются нашим успехам, потому что наш рост, наше укрепление и наше усиление означают рост, усиление и укрепление международного пролетариата. В советской земле, в центре ее, в Москве, вокруг Российской Коммунистической Партии, которая вела рабочий класс на Октябрьскую революцию, собираются силы международного пролетариата. Здесь, в советской земле, возник, вырос и окреп Коммунистический Интернационал — международный союз революционных рабочих всех стран. Здесь рабочие всех стран учатся, как бороться с буржуазией, и как ее победить. Здесь идет подготовка к мировому Октябрю. И этот Октябрь—не за горами.

ОГЛАВЛЕНИЕ.



Цена 30 коп.

